

ШК. СС11 П. 3/40.

Проф. А. П. Лебедевъ.

ТРИ ОЧЕРКА

ПО

ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІОГРАФІИ

У НАСЪ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1907.

Оттискъ изъ № 4 и 5 Богословскаго Вѣстника за 1907 годъ

639
37

Печатать разрѣшается. Апрѣля 19 дня, 1907 г.
Ректоръ Академіи Епископъ *Евдокимъ*.

ВЗГЛЯДЪ

на условія развитія церковно-исторической науки у насъ.

Если есть—какъ извѣстно—церковно-историческая наука нѣмецкая, французская, англійская и проч., то конечно должна быть и церковно-историческая наука русская, т. е. развившаяся въ Россіи.

Такая наука должна быть и дѣйствительно есть.

Но къ сожалѣнію, по своимъ достоинствамъ она не только не равняется съ своими иностранными сотоварищами, но и значительно отъ нихъ отстала.

Говоря такъ, мы разумѣемъ состояніе науки касательно такъ называемой общей церковной исторіи, церковной исторіи иностранной, т. е. греческой, латинской, начиная съ древнихъ христіанскихъ временъ, а потомъ церкви католической, протестантской, а не состояніе нашей науки, поскольку она занимается изученіемъ исторіи отечественной—русской церкви. По нашему мнѣнію, мѣриломъ развитія церковно-исторической науки у насъ въ Россіи могутъ служить лишь успѣхи этой науки въ области общей церковной исторіи или иностранной, древней и новой, но не своей собственной. Изученіе этой послѣдней не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ преуспѣянія церковно-исторической науки въ данной странѣ, даже и въ томъ случаѣ, если изученіе отечественной церковной исторіи въ этой странѣ идетъ успѣшно и съ достоинствомъ. И вотъ почему: нѣтъ, вѣдь, такой христіанской страны, гдѣ отечественная церковная исторія не была бы предметомъ болѣе или менѣе ревностнаго изученія. Нужда такого изученія вытекаетъ часто изъ практическихъ церковно-историческихъ потребностей и интересовъ. Не то

видимъ по отношенію къ общей, обнимающей всѣ христіанскіе народы, церковной исторіи. Не всѣ націи отдаются ея изученію, а только самыя культурныя. Нужно много благопріятныхъ условій, чтобы какой-либо христіанскій народъ отъ изученія своей родной исторіи перешелъ къ изученію *не* своей исторіи, и достигъ здѣсь извѣстной степени совершенства. Но будемъ говорить исключительно о нашей странѣ.

У насъ не только общая церковная исторія, какъ мы сказали, очень не высока по своимъ достоинствамъ, но и изученіе отечественной церковной исторіи подвигалось туго и медленно. Отчего это такъ случилось? А случилось это донельзя просто: сначала церковной исторіи не знали и не изучали, а когда принялись за ея изученіе, то оказалось, что слишкомъ запоздали этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что западный научный міръ, со свойственными наукѣ эгоизмомъ и безсердечіемъ, шелъ впередъ, не интересуясь отсталыми, шелъ и идетъ теперь.

Чтобы нѣсколько освѣтить разсматриваемый вообще печальный фактъ отсталости и несовершенства нашей (т. е. русской) церковно-исторической науки, бросимъ бѣглый взглядъ на судьбу церковно-исторической науки въ нашемъ отечествѣ, при чемъ будемъ имѣть въ виду какъ общую церковную исторію, такъ и исторію по части отечественной церкви.

Начнемъ нашъ очеркъ нѣсколько издалека, ради его возможной цѣлостности. Наши отдаленные предки имѣли скудныя познанія изъ области церковной исторіи. Въ древней допетровской Руси почти совсѣмъ не встрѣчалось книгъ историческихъ. И это понятно. Чтобы имѣть расположеніе къ чтенію историческихъ книгъ, нужно обладать нѣкоторымъ интересомъ къ исторіи, нужно воспитать извѣстнаго рода широту воззрѣнія, которое не довольствовалось бы тѣмъ, что есть предъ глазами, но въ большей или меньшей мѣрѣ простиралось бы на человѣчество въ широкомъ смыслѣ слова. Но какое дѣло было нашимъ предкамъ до того, что существовали люди, жившіе когда-то и умершіе, не имѣя къ нимъ никакого отношенія. Для людей непросвѣщенныхъ, какъ наши стародавніе предки, исторія получаетъ интересъ развѣ только тогда, когда она, переставая быть исторіей,

превращается въ занимательную сказку и когда дѣйствительные факты замѣняются въ ней невѣроятными вымыслами и проч. [1]). Но какъ ни мало развитъ былъ у нашихъ предковъ вкусъ къ историческому знанію, они не оставались безъ всякихъ свѣдѣній о прошедшемъ, т. е. по исторіи гражданской и церковной. У нихъ имѣлось нѣсколько, очень немного, излюбленныхъ книгъ, которыя были распространены между ними и пользовались уваженіемъ. Это были книги, переведенныя съ греческаго языка, конечно, не ими самими. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія, какъ пользовавшіяся особеннымъ значеніемъ—двѣ византійскихъ хроники, изъ которыхъ одна (Амартола) полюбилась нашимъ предкамъ характеромъ своихъ историческихъ воззрѣній, именно своимъ аскетическимъ міросозерцаніемъ, исполненнымъ вѣры въ чудеса и знаменія, въ откровенія изъ міра загробнаго; а другая (Манассіи) нравилась имъ-же тѣмъ, что каждую мысль она облекала въ риторическую витіеватую форму, тѣмъ,—что ея авторъ былъ такимъ писателемъ, который слова не скажетъ спроста, а все съ ужимкой: чѣмъ больше было въ ней фразистики, искусственаго витійства, темноватости, тѣмъ больше она приходилась по вкусу непросвѣщенному обществу [2]). Другимъ источникомъ знаній для нашихъ предковъ служили такъ называемыя Четьи-минеи. Здѣсь, какъ естественно, церковно-историческій элементъ преобладалъ надъ всякимъ инымъ. Эти житія привлекали вниманіе древне-русскихъ читателей потому же, почему и въ настоящее время малограмотный человѣкъ на святой Руси это чтеніе предпочитаетъ всякому другому. Міръ чудеснаго и необыкновеннаго, сверхъестественнаго и таинственнаго даетъ пищу религіозной настроенности и подогрѣваетъ религіозное чувство. Память легко удерживаетъ необычайные образы, созданные рукою составителей Четьи-миней; прочитанное легко было разсказать другимъ, слушателямъ-же пріятно слушать часто фантастическій разсказъ.

Изо всѣхъ этихъ источниковъ—византійскихъ хронистовъ, Четьиминей и тому подобныхъ книгъ почерпали наши предки

---

[1]) Е. Е. Голубинскаго. Исторія русск. церкви. I-го тома, перв. половин., стр. 736. Изд. 2-е.

[2]) Ф. А. Терновскаго. Изученіе византійской исторіи въ древней Руси. Вып. I, 118—121. Кіевъ, 1875.

свои историческія и церковно-историческія свѣдѣнія; но это не было въ собственномъ смыслѣ знаніемъ: свѣдѣнія, получаемыя изъ подобныхъ источниковъ, носили такъ сказать—утилитарный характеръ. Исторія призывалась давать отвѣты на тѣ наивные вопросы, какіе возникали въ незрѣлой мысли нашихъ предковъ. Случалось ли имъ быть очевидцами необычайнаго явленія или говоря языкомъ того времени—знаменія на небѣ или на землѣ—ихъ умъ начиналъ тревожить вопросъ: что предзнаменуетъ явленіе? За разрѣшеніемъ недоумѣнія обращались къ ихъ историческимъ книгамъ и въ нихъ искали удовлетворенія своему любопытству. Отвѣтъ почти всегда былъ находимъ, потому что подобное же ранѣе того случилось и въ Византіи, и тамошніе книжники старались дать свое объясненіе явленію, объясненіе большею частію религіозно-таинственнаго характера [1]). Наши предки къ исторіи же обращались за разрѣшеніемъ вопроса: какъ слѣдуетъ относиться къ еретикамъ, которые стали появляться и на Руси? Конечно, преслѣдовать и притѣснять ихъ всѣми силами гражданской власти, не задумываясь много, отвѣчалъ древній книжникъ, послѣ совѣта съ тѣми немногими историческими книгами, какія были у него подъ руками. Возникалъ ли вопросъ о томъ: имѣютъ ли основаніе монастыри пользоваться недвижимыми имуществами, не слѣдуетъ ли имъ отказаться отъ такихъ имуществъ, опять русскій книжникъ за совѣтомъ обращается къ своимъ хроникамъ [2]). Вообще, если въ практикѣ назрѣвалъ трудный, новый и возбуждавшій недоумѣнія вопросъ, предки наши начинали усердно читать, находившіяся у нихъ подъ руками, историческія книги. Такимъ путемъ они рѣшили, напримѣръ, вопросъ: какимъ образомъ можно поставлять русскихъ митрополитовъ, не обращаясь за этимъ дѣломъ къ Константинопольскому патріарху, какъ это было въ обычаѣ прежде. Они гдѣ-то прочли, что въ Греціи епископовъ поставляли будто бы нетлѣнною рукою Іоанна Крестителя и потому рѣшили, что и у насъ на Руси можно посвящать новоизбраннаго митрополита главой св. Климента Римскаго [3]).

---

[1]) Ф. А. Терновскаго. Loc. cit., 10. 72. 77.

[2]) Тамъ же. Вып. II, 145—149. Кіевъ. 1876.

[3]) Тамъ же. Вып. II, стр. 117.

Въ такомъ-то родѣ было знаніе нашихъ предковъ по исторіи вообще, по церковной исторіи въ частности. Немножко знали, потому что знакомы были съ нѣкоторыми переводными хрониками византійскими, четьи-минеями и другими книгами. Но знали не въ интересахъ самого знанія и собственнаго своего развитія, а въ утилитарныхъ цѣляхъ. Исторія давала готовый образецъ, какъ смотрѣть на то или другое необычайное явленіе природы, какъ поступать въ практикѣ при томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ. Это знаніе было совершенно такого же рода, какое находимъ въ настоящее время у нашихъ раскольничьихъ начетчиковъ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ раскольничьей литературой старообрядцевъ—совопросниковъ, направленной противъ русской церкви, тотъ не можетъ не поражаться умѣньемъ ихъ выкопать въ историческихъ книгахъ факты, которые какъ нельзя больше—пригодны для ихъ цѣлей, именно для борьбы съ церковію. У какого-нибудь Баронія, плодовитаго церковнаго историка XVI-го вѣка, Зонары, византійскаго историка XII-го вѣка, они отыскиваютъ, съ ревностію достойною лучшаго дѣла, такіе факты, при видѣ которыхъ приходишь въ изумленіе: какъ смогли они докопаться до чего-либо подобнаго? Но это во всякомъ случаѣ еще не исторія и не дѣйствительное значеніе исторіи. Это есть не болѣе, какъ фокусничество, продѣлываемое надъ историческими фактами. Таково вообще было знаніе нашей науки на Руси, пожалуй, до самаго XVIII-го вѣка.

Но и XVIII вѣкъ далъ очень мало условій для развитія церковно-исторической науки. Разомъ, какъ извѣстно, ничего не дается. Нужно было пройти еще не мало времени, прежде чѣмъ стало возможнымъ говорить о церковно-исторической наукѣ, какъ дѣйствительномъ фактѣ. XVIII вѣкъ важенъ въ разсматриваемомъ отношеніи только тѣмъ, что въ это время стали вводить церковную исторію въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ школахъ. Въ особенности много заботъ прилагалось къ тому, чтобы она укоренилась въ Славяно-греко-латинской Академіи и въ Троицкой Семинаріи; но и здѣсь она далеко не зацвѣла.

Начало XIX вѣка, какъ извѣстно, ознаменовалось открытіемъ высшихъ духовныхъ школъ. Разумѣемъ, уставъ духовн. Академій 1814 года. Уставъ этотъ пробудилъ къ дѣятельно-

сти дремлющую дотолѣ богословскую мысль. При учрежденіи Академій не забыта была и исторія, какъ наука. Отъ нея на первыхъ же порахъ ожидали даже „философіи исторіи“, но конечно ожиданія эти не сбылись. Во всякомъ случаѣ подъ сѣнію этого устава появилась наука церковно-историческая и нашлись работники, усердно занявшіеся этой отраслію знанія. Жаль, что ихъ было мало. Уставъ этотъ дѣйствовалъ до конца 60-хъ годовъ прошлаго вѣка [1]). Онъ, конечно, не былъ совершенствомъ, а думать о перемѣнахъ къ лучшему, повидимому, было некому. Въ числѣ его несовершенствъ можно указать хотя бы на слѣдующее. Магистерскихъ диссертацій по богословскимъ наукамъ, а въ томъ числѣ и по церковной исторіи печатаемо не было: магистерская степень, правда, давалась, но за рукописныя диссертаціи, которыя потомъ сдавались въ архивъ, гдѣ и дѣлались знакомы лишь мышамъ. Что касается докторскихъ диссертацій или сочиненій на степень доктора, то таковыхъ отъ профессоровъ Академіи совсѣмъ не требовалось. Докторская степень тогда давалась отъ Святѣйш. Синода какъ награда, въ родѣ скуфьи, двумъ-тремъ архіереямъ и протоіереямъ въ теченіе каждаго десятилѣтія, часто за очень сомнительныя ученыя заслуги, выше которыхъ тогда ставилось такъ называемое направленіе печатныхъ сочиненій и послушаніе начальству. Не было диссертацій тогда; мало существовало въ тѣ времена и духовныхъ журналовъ, въ которыхъ могли бы появляться достойныя имени науки церковно-историческія изслѣдованія. Такихъ журналовъ было—два-три на всю Россію, да и въ нихъ отводилось мало мѣста для статей церковно-историческаго содержанія.

Что-же касается вообще ученой литературы по церковной исторіи, то не слѣдуетъ умалчивать, что таковая литература уже начала появляться въ теченіе первой половины XIX-го вѣка, но она была еще неплодовита и слишкомъ робка въ ея научныхъ результатахъ. Договаривать, что думаешь, до конца считалось тогда дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, не осторожнымъ, опаснымъ, преждевременнымъ. Нужно сказать:

---

[1]) Уставъ этотъ нами былъ уже оцѣненъ и указано было его значеніе и для развитія нашей науки. См. мое сочиненіе: „Церковная Исторіографія отъ IV до конца XIX вѣка“, стр. 527—8; 535 и дал. Спб., 1903. Изд. 2-е.

была одна общая причина, которая значительно задерживала прогрессивное движеніе церковно-исторической науки. Въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка смотрѣли на церковную исторію какъ на такую науку, которая должна находиться въ подчиненіи и идти на буксирѣ за догматическимъ богословіемъ; вслѣдствіе чего ея положеніе было служебнымъ и зависимымъ: отъ церковной исторіи требовали, чтобы она услужливо подтверждала тѣ истины, которыя въ качествѣ непогрѣшимыхъ доктринъ приняты были и возвѣщались въ догматическомъ богословіи. Задача церковной исторіи съуживалась, порывы ея къ самостоятельности изслѣдованія всячески сдерживались. Московскій митрополитъ Филаретъ, пользовавшійся въ тѣ времена величайшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ нашей церкви и ея науки, не смотря на его обширный умъ и даже геніальность—въ чемъ ему нельзя отказать—питалъ непонятное нерасположеніе (если не будемъ этого объяснять схоластическимъ его образованіемъ) къ церковно-исторической наукѣ и относился къ ней съ пренебреженіемъ и пожалуй съ подозрѣніемъ. Вообще онъ какъ будто совершенно не понималъ широкихъ просвѣтительныхъ задачъ, принадлежащихъ церковно-исторической наукѣ, какъ это онъ очень ясно выразилъ на одномъ изъ экзаменовъ по этому предмету въ Московской Духовной Академіи, въ 30-хъ годахъ. Выслушивая отвѣты студентовъ по церковной исторіи, на основаніи лекцій профессора Ал. В. Горскаго, извѣстнаго ученаго, Филаретъ, обращаясь къ этому послѣднему, съ гнѣвомъ сказалъ: „что такое духъ христіанскаго общества, о которомъ мнѣ приходится слушать"?—„Могли ли Вы сами обнять и изслѣдовать духъ христіанства? Могли ли вмѣстить это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи: смотрятъ на человѣчество, какъ на одного человѣка, усвояютъ ему то это, то другое направленіе. Боссюетъ (католическій писатель и проповѣдникъ временъ Людовика XIV-го) имѣлъ вѣрный взглядъ на исторію, а другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству: они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свои идеи. Все это *пустяки*", заключилъ свою діатрибу митр. Филаретъ [1]). Разумѣется,

[1]) С. К. Смирнова. Исторія Моск. дух. Академіи до ея преобразованія, стр. 199. М. 1879.

никто изъ присутствовавшихъ ничего не возразилъ на эти слова, каждый твердо ихъ запомнилъ. Сановитый экзаменаторъ представлялъ себѣ какую то необыкновенную исторію— безъ идей, безъ направленій, безъ главныхъ представителей. Но возможна ли такая исторія, какъ наука? Этого вопроса суровый экзаменаторъ не бралъ труда задать себѣ. При существованіи же такихъ историческихъ вкусовъ, какъ вкусъ Филарета, разрабатывать науку было очень трудно. Приходилось довольствоваться подлинно „пустяками". — Позволимъ себѣ привести другой фактъ въ томъ же родѣ и изъ того же времени. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является опять митрополитъ Филаретъ. Въ Московской Дух. Академіи въ 1836-омъ году блестяще кончилъ курсъ—первымъ—нѣкто Рудневъ, который тотъ-часъ же и назначенъ былъ баккалавромъ (по теперешнему доцентомъ) Академіи. Его магистерское сочиненіе: „О ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви до Грознаго" найдено было прекраснымъ: сочиненіе опредѣлено было напечатать (хотя тогда магистерскія диссертаціи вообще не печатались), а автору выдать премію имени графа Румянцова. Но случилось такъ, что книга окончательно явилась въ свѣтъ только чрезъ нѣсколько лѣтъ. Выдача же преміи оттянулась на неопредѣленное время. Вотъ что именно произошло: прежде печатанія митр. Филаретъ потребовалъ къ себѣ рукопись на просмотръ. Просмотръ этотъ кончился не въ пользу автора. Митрополитъ остался недоволенъ нѣкоторыми отдѣльными выраженіями, наприм. по поводу фразы историка Руднева: „русская церковь богата раскольниками", онъ сдѣлалъ отмѣтку: „неприличная насмѣшка"; а замѣну авторомъ употребительнаго тогда выраженія: „греко-россійская церковь" другимъ, имѣвшимъ менѣе правъ гражданства, именно выраженіемъ: „греко-русская церковь" критикъ святитель призналъ „угодничествомъ нѣкоторымъ журналистамъ" и т. д. въ томъ же родѣ. Историку Рудневу приказано было снова пересмотрѣть сочиненіе, и затѣмъ отдать его въ духовную цензуру. Такъ и было сдѣлано. Затѣмъ Академія переправила сочиненіе въ типографію для печатанія. Но митрополитъ, узнавъ объ этомъ, потребовалъ къ себѣ вторично сочиненіе: оно было представлено ему частію въ печатныхъ листахъ, частію въ рукописи. Разсмотрѣвъ его, Филаретъ опять остался недо-

воленъ и печатными листами и рукописью. Онъ предписалъ Академіи тщательно исправить сочиненіе, а потомъ печатать. Академія въ точности исполнила волю московскаго іерарха. Исполнивъ эту волю, Академія легко вздохнула—и думала, что дѣло наконецъ окончилось. Но не тутъ-то было. Въ сущности оно только-что еще началось. Ознакомившись съ печатнымъ экземпляромъ книги Руднева, Филаретъ нашелъ въ ней новые недостатки. Академіи митрополитъ сдѣлалъ выговоръ и прислалъ на имя академической конференціи (т. е. совѣта) резолюцію слѣдующаго содержанія: „1) Сочиненіе о ересяхъ и расколахъ разсмотрѣть вновь (это послѣ напечатанія-то!) и представить ему съ мнѣніемъ; 2) обратить вниманіе на цензора книги—годенъ ли онъ къ своей должности [1]); 3) немедленно взять книгу на храненіе и строгій присмотръ конференціи, чтобы она отнюдь не была распространяема". Можно подумать, что митр. Филаретъ открылъ въ книгѣ и невѣсть какія ереси? Ни чуть не бывало. Онъ, наприм., оказался недоволенъ слѣдующей фразой: „съ XI-го вѣка единая соборная и апостольская церковь раздѣлилась на церковь восточную и западную". Для современныхъ поколѣній, конечно, не понятно: что дурнаго въ этой фразѣ? Дурнаго въ ней то, что она расходилась со взглядами догматическаго богословія, которое утверждаетъ, что въ каждое данное время возможна одна церковь, т. е. истинная церковь, а потому выраженіе: „единая церковь раздѣлилась на церковь восточную и западную"—не во вкусѣ догматическаго богословія. Митрополиту также крайне не понравилась слѣдующ. фраза: „нельзя отвергать пользы и важности церковныхъ преданій, но и нельзя доказывать совершенной ихъ необходимости, потому что свящ. Писаніе заключаетъ въ себѣ все необходимое для нашего спасенія". Очевидно, митр. Филаретъ усмотрѣлъ здѣсь уступчивость въ пользу протестантства, отвергающаго свящ. преданіе и приписывающаго авторитетъ лишь Библіи. Въ подобномъ же родѣ были указаны митр. Филаретомъ и другія прегрѣшенія книги Руднева. Откровенно говоря, всѣ такого рода промахи разсматриваемой книги у современнаго читателя—даже бого-

[1]) Нужно сказать, что духовно-цензурный комитетъ существовалъ тогда при Академіи и состоялъ почти изъ однихъ профессоровъ ея.

слова—вызываютъ лишь улыбку: такъ они мелочны. Но не до смѣху было Академіи. Согласно приказанію начальства она принялась выправлять печатную книгу и притомъ торжественно, согласно буквѣ Филаретовскаго приказа. Получалась картина чуть не изъ временъ инквизиціи. Книга вся сполна была прочитана въ засѣданіяхъ конференціи, т. е. въ присутствіи всѣхъ профессоровъ, въ теченіе трехъ дней. Можно себѣ представить положеніе баккалавра Руднева! Что онъ при этомъ перечувствовалъ, особенно принимая во вниманіе, что владыка шутить не любилъ. Конференція постановила перепечатать нѣкоторые отдѣлы въ книгѣ, а цензору сдѣлать строгое замѣчаніе. Затѣмъ книга Руднева съ надлежащимъ академическимъ представленіемъ еще разъ поступила на строгій судъ неумолимаго критика. Митрополитъ Филаретъ принялся за это дѣло—и какъ онъ самъ выражается: „не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать новыхъ замѣчаній“ и затѣмъ прибавляетъ: „вижу, что поправокъ надобно сдѣлать больше, нежели предположила Академія. *Не пришлете ли мнѣ о семъ другаго* проэкта“? Значитъ, каша снова заварилась. Филаретъ при этомъ находилъ, что вновь открытые имъ недостатки, если ихъ не исправить, могутъ причинять вредъ читателямъ и уронить честь Академіи. Но изъ прежде приведенныхъ образцовъ мы уже знаемъ: каковы эти недостатки и чего они стоютъ! Конференція Академіи, въ угоду взыскательному начальству, паки и паки засѣла за исправленіе всей книги Руднева. Послѣ сего книга и проэктъ измѣненій въ ней еще разъ очутились на письменномъ столѣ митрополита. Проэктъ предполагаемыхъ измѣненій въ книгѣ наконецъ былъ имъ одобренъ. Книга послѣ многихъ мытарствъ наконецъ увидѣла свѣтъ. Но очень ошибается тотъ, кто будетъ думать, что критикъ теперь остался доволенъ книгой. Этого на самомъ дѣлѣ не было. Когда Академія письменно просила разрѣшенія у митрополита пустить книгу въ продажу, онъ написалъ такую резолюцію: „согласенъ, потому что надобно кончить дѣло“ (только поэтому?)—и прибавляетъ: „если сочиненіе доживетъ до 2-го изданія, то надобно цензоровать его съ полною строгостію“. Интересно было бы узнать: возможна ли еще бо́льшая строгость, чѣмъ какой уже подверглась несчастная

книга: „о ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви!“ [1]) Такимъ образомъ печальная исторія печатанія названной книги, начавшись въ 1837 году, закончилось лишь въ 42-мъ. Одну несомнѣнную пользу принесли тѣ мытарства, какія извѣдала книга: исторія съ книгой огласилась и послѣ поступленія этой послѣдней въ продажу, книга раскуплена на расхватъ. Впрочемъ—прошу вниманія. Митр. Филаретъ въ дѣйствительности не такъ ужъ виноватъ тутъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Виноватъ духъ того времени. Это были времена т. н. Николаевскія, когда выше всего цѣнились: дисциплина, униформа, послушаніе, отсѣченіе своей воли, молчаніе, по возможности неимѣніе своего сужденія. Это была эпоха, когда каждое изъ безчисленныхъ вѣдомствъ имѣло свою цензуру, которая многоочито смотрѣла, какъ бы какая нибудь книга или газета не затронула чести того или другаго вѣдомства. А къ довершенію страха существовало тогда еще учрежденіе, которое имѣло своимъ назначеніемъ контролировать дѣйствія вышеуказанныхъ цензуръ и являлось цензурой надъ цензурами [2]). Да, духъ времени требовалъ, чтобы руки были по швамъ. Замѣчательно, что въ тѣ времена самъ Филаретъ былъ на плохомъ счету и подозрѣваемъ былъ (horribile dictu!) въ либерализмѣ! Но отъ всего этого не легче было литературѣ вообще, богословской въ частности.

Но вотъ кончились т. н. Николаевскія времена... Наступило великое освободительное царствованіе Александра II. Въ это царствованіе и богословская наука поставлена была на путь прогресса и свободы; и для этой науки настало своего рода 19-ое февраля. Безспорную эпоху въ развитіи церковно-исторической науки, какъ отрасли богословскихъ наукъ, составляетъ новый уставъ духовныхъ Академій, введенный въ дѣйствіе въ 1869-мъ году, т. е. волею Алек-

---

[1]) С. К. Смирнова. Тамъ же, стр. 216 и дал.

[2]) „Такъ называемый Комитетъ 2 апрѣля 1848 г. явился высшею контролирующей цензурой надъ всѣми дѣйствіями цензуръ обыкновенныхъ“ (а ихъ было множество). Пыпина. Характеристика литератур. мнѣній. „Вѣст. Евр.“, 1873, іюль, стр. 239—240. О свирѣпствѣ дух. цензуры тѣхъ же временъ можно читать въ статьяхъ г. Котовича („Христ. Чт.“, 1906 т. II и 1907, т. I).

сандра II-го. Уставъ этотъ благопріятно отразился на положеніи церковно-исторической науки [1]).

Но недаромъ одна русская пословица гласитъ: „законы святы, а исполнители супостаты“. Отъ измѣненій, произведенныхъ въ духовной школѣ и наукѣ указаннымъ уставомъ, можно было бы ожидать болѣе благихъ послѣдствій, чѣмъ сколько таковыхъ оказалось на дѣлѣ. Какъ извѣстно, всѣ великія реформы царствованія Александра II-го съ теченіемъ времени стали тускнѣть и затираться. Тоже случилось и съ разсмотрѣнной реформой высшей духовной школы [2]), хотя никто не будетъ отрицать того, что основной тонъ указанныхъ реформъ остается и, конечно, навсегда останется неизмѣннымъ. Контрреформа нѣкоторыхъ добровольцевъ повредила главнымъ образомъ детали преобразованной духовной школы; но и это не могло не отозваться очень невыгодно на ростѣ еще столь молодой церковно-исторической науки въ Россіи.

Лица, власть имѣющія, вступили на путь всяческихъ урѣзокъ; начались стѣсненія, слишкомъ неблагожелательный контроль, недоброжелательство, явныя подозрѣнія—да и мало чего: всего не перечтешь. Наступили времена регресса. Появились признаки, которые стали напоминать отошедшія уже въ область преданія—николаевскія времена. Вообще, при оцѣнкѣ религіозной науки въ концѣ XIX вѣка, намъ приходится говорить опять о печальныхъ явленіяхъ, а потому мы постараемся быть краткими: въ наше время не чего предаваться пессимизму.

Наша рѣчь будетъ идти о явленіяхъ, относящихся къ об-

---

[1]) Впрочемъ за подробностями по этому вопросу отсылаемъ читателя къ вышеупомянутому нашему сочиненію: „Церковная Исторіографія“ и т. д., стр. 539—542.

[2]) Здѣсь мы разумѣемъ прежде всего новый уставъ духовн. Академіи, изданный въ 1884 году и формально доселѣ не отмѣненный. Онъ имѣлъ въ виду дать ходъ богословскимъ наукамъ въ тѣсномъ смыслѣ, предпочтительно предъ церковно-историческими (Для этого нужно вчитаться въ этотъ Уставъ и объяснительную записку къ нему, къ сожалѣнію не имѣющуюся у меня подъ руками). Но этой цѣли онъ не достигъ, такъ какъ невыгодныя его стороны отразились неблагопріятно на всѣхъ наукахъ, преподающихся въ Академіяхъ. Усиленный контроль надъ диссертаціями со стороны ректора, митрополита, нарочитыхъ рецензентовъ, назначаемыхъ отъ Синода и часто некомпетентныхъ,—и самого Синода, запугивалъ научныхъ изслѣдователей.

ласти духовныхъ Академій, такъ какъ научная жизнь, поскольку она касается церковной исторіи, развивается именно въ нихъ; что же касается русскихъ университетовъ, то, хотя въ нихъ съ 60-хъ годовъ и отведено мѣсто преподаванію церковной исторіи, но университеты наши не участвуютъ и не оказываютъ вліянія на движеніе и судьбу церковно-исторической науки.

Измѣненія къ худшему состоянію нашей науки выразились въ слѣдующемъ: появились правила, имѣющія цѣлію стѣснить нашу науку [1]). Такъ наложена тяжелая рука на свободу въ выборѣ темъ для изслѣдованія. Молодымъ магистрантамъ запрещено писать о всѣхъ еретикахъ древняго времени и ихъ сочиненіяхъ; не дано права писать о реформаторахъ—Лютерѣ, Кальвинѣ, Цвингли, Виклефѣ и пр. Такія темы изъяты изъ числа темъ на степень магистра (стр. 3). О подобныхъ предметахъ могутъ-де трактовать только пожилые ученые. Въ разсматриваемыхъ правилахъ, потомъ повторенныхъ для надлежащаго свѣдѣнія, воспрещено въ ученыхъ сочиненіяхъ хвалить за что бы то ни было наприм. католиковъ, протестантовъ и русскихъ раскольниковъ (стр. 4). Болѣе или менѣе точно регламентировано: какихъ частныхъ мыслей не слѣдуетъ развивать въ будущихъ сочиненіяхъ; такъ предписано всячески избѣгать моихъ собственныхъ взглядовъ на исторію вселенскихъ соборовъ (стр. 6), раскрытыхъ мною въ сочиненіи: „Всел. соборы IV и V вѣковъ“ [2]). А также повелѣно какъ можно менѣе имѣть дѣла съ иностранными богословскими книгами, а предпочтительно руководствоваться святоотеческими твореніями (стр. 3. 8). Къ сочиненіямъ, которыя пишутся на ученыя богословскія степени, въ недавнее время примѣнялись всякаго рода репрессивныя мѣры. Приказывали во 2-омъ изданіи измѣнять въ нихъ тѣ или другія мѣста. Наприм., изъ сочиненія: „Констан-

---

[1]) Разумѣемъ правила, розданныя профессорамъ дух. Академій для руководства, подъ заглавіемъ: *Правила для разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе* (?) *ученыхъ богословскихъ степеней*“. Правила санкціонированы св. Синодомъ и появились въ. 1889 году (См. журналы Сов. М. Д. Акад., 1889, стр. 36). Я храню этотъ реакціонный документъ и при случаѣ перепечатаю его съ приличнымъ комментаріемъ. „Правила“ занимаютъ восемь страницъ.

[2]) Москва, 1885.

тинопольскіе патріархи отъ халкидонскаго собора до Фотія“ (Серг. П.) приказано было изгладить слова: „онъ былъ худъ какъ щепка“, употребленныя авторомъ о св. Іоаннѣ Постникѣ, хотя эти слова находятся въ древнемъ греческомъ жизнеописаніи святителя и составляютъ буквальный переводъ отсюда.

Когда въ обходъ правилъ появилось въ свѣтъ магистерское сочиненіе, подъ заглавіемъ: „историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго“ (Серг. Пос., 1895), то Св. Синодъ снова повторилъ свое постановленіе, чтобы въ Академіяхъ не давались для диссертацій темы, „направляющія сочинителя къ изученію какой-либо ереси или какого-либо ложнаго ученія“ [1]). Стали проваливать сочиненія, написанныя для полученія степени магистра или доктора, если что-нибудь въ нихъ не нравилось духовному начальству. Магистерское сочиненіе на тему:“ Религіозное, общественное и государственное состояніе Евреевъ во времена Судей“ (Спб., 1886), только появившись въ 2-мъ изданіи, доставило автору-профессору искомую имъ степень. А магистерское сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Исторія канонизаціи Русскихъ святыхъ“ [2]) совсѣмъ было забраковано св. Синодомъ; причемъ одинъ изъ членовъ Синода, оффиціально мотивируя отказъ, указывалъ на то, что авторъ, трактуя о канонизаціи, обнаруживаетъ мало благоговѣнія къ предмету изслѣдованія. Другому автору, напечатавшему сочиненіе, для пріобрѣтенія степени доктора, подъ заглавіемъ: „Характеръ отношеній Россіи къ Греческому православному Востоку“ [3]), не дано искомой степени высшимъ начальствомъ между прочимъ потому, что въ своей книгѣ онъ разсказалъ исторію о томъ, какъ во времена Петра I-го обнаруженъ былъ одинъ прискорбный обманъ: отъ Греческой церкви въ Россію былъ присланъ ковчегъ, заключающій будто бы часть главы мученика Христофора, но въ которомъ оказалась простая слоновая кость, нашедшая себѣ потомъ мѣсто въ кунстъ-камерѣ [4]). Авторъ неугодной книги впослѣдствіи написалъ

---

[1]) Журналы совѣта М. Д. Акад., 1896 г., стр. 34—35.

[2]) Напечатано въ „Чтен. Общ. Исторіи и древностей“ за 1893 г. и отдѣльно.

[3]) Москва, 1885 г.

[4]) Приложенія къ книгѣ, стр. 50. Поставлено, кромѣ того въ вину автору то, что книга будто-бы благопріятствовала нашему расколу.

другое, очень незавидное сочиненіе—и былъ за него, какъ за безвредное, удостоенъ искомой высшей ученой степени, доктора церковной исторіи. Встрѣчались и другіе случаи столь же или еще болѣе прискорбные. Участникъ въ изданіи книги: „Три первые вѣка христіанства“ [1]) обрѣлъ неблаговоленіе въ очахъ начальства тѣмъ, что, вслѣдъ за Гогенбахомъ, осмѣлился утверждать, что лучшіе, благоразумнѣйшіе римскіе императоры преслѣдовали христіанъ, а глупые между ними мирволили христіанамъ; выраженіемъ указаннаго неблаговоленія было то, что вышеуказанное лицо, профессоръ Академіи, за свое сотрудничество съ каѳедры церковной исторіи вынужденъ былъ низойти на каѳедру еврейскаго языка. Еще. Авторъ, бывшій одновременно профессоромъ и въ дух. Академіи и въ Университетѣ, за написанную имъ книгу: „Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“ [2]), былъ лишенъ каѳедры въ Академіи; его книга возбудила неудовольствіе какъ тѣмъ, что въ ней приведенъ былъ въ греческомъ оригинальномъ текстѣ одинъ памфлетъ VIII-го вѣка противъ иконопочитанія, такъ и тѣмъ, что будто автору вздумалось сказать, что причисленіе къ лику святыхъ въ древней Византіи имѣло одинаковое значеніе съ награжденіемъ въ наше время орденомъ. Было бы излишне пускаться въ разборъ инкриминированныхъ мѣстъ книги [3]). Замѣтимъ одно: лишившись академической каѳедры и оставшись съ одной университетской каѳедрой, мало его обезпечивавшей (онъ былъ здѣсь доцентомъ), авторъ-профессоръ впалъ въ тяжкія матеріальныя лишенія и подъ ихъ бременемъ вскорѣ умеръ. Книги, заподозрѣнныя начальствомъ, подвергались и еще разнаго рода репрессаліямъ. Онѣ или не допускались въ семинарскія библіотеки (такъ было съ моимъ вышеназваннымъ сочине-

---

[1]) Кіевъ. 1878.

[2]) Кіевское издан. 1883.

[3]) Замѣтимъ однакожъ, что послѣдняя мысль есть явное преувеличеніе. Авторъ лишь склонялся къ воззрѣнію, что канонизація, напр., святителей въ византійское время условливалась не столько подвигами и заслугами, сколько высокимъ іерархическимъ положеніемъ канонизуемаго лица, а это близко къ истинѣ. Это вполнѣ подтверждаетъ и проф. Е. Е Голубинскій: „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“, стр. 16—17. Москва. 1903.

ніемъ [1]) и съ книгой проф. Голубинскаго: „Исторія Русской церкви“ и съ сочиненіями другихъ историковъ), или же этого рода книги предписано было цензурѣ не допускать къ выпуску вторыми изданіями.

При вышеперечисленныхъ тягостныхъ условіяхъ стали обнаруживаться въ состояніи нашей науки болѣзненные симптомы. Одни церковные историки, принявшіеся-было энергически разработывать науку, потомъ совсѣмъ бросили писать *страха ради іудейска;* другіе писатели по церковной исторіи, по тѣмъ же побужденіямъ, начали въ своихъ сочиненіяхъ принаровляться къ вѣяніямъ времени и измѣнили интересамъ науки, хотя въ началѣ ученаго поприща обѣщали другіе—лучшіе плоды; третьи, принимаясь писать докторскія сочиненія, выдумали избирать узко-спеціальныя и безотрадныя темы, наприм., „Христіанская Нубія“, или „Блажен. Діодохъ, еписк. Фотики древняго Епира и его творенія“—5-го вѣка (Діодохъ—это имя, никому невѣдомое, едва-едва знакомое даже спеціалистамъ). Съ такими, не привлекающими вниманія т. н. большой публики, темами дѣло пріобрѣтенія докторской степени идетъ глаже и спокойнѣе [2]).

Говоря устарѣлымъ языкомъ, яблокомъ раздора между представителями церковно-исторической науки у насъ и духовными властями, являющимися судіями надъ ними, служитъ, какъ мы это видѣли выше, больше всего догматическое богословіе. Духовныя власти очень опасаются, что историки, пользуясь удобнымъ или неудобнымъ случаемъ, посягнутъ на ту или другую истину православія, содержащуюся въ нашемъ догматическомъ богословіи. Всѣ старанія духов-

---

[1]) Въ извѣстномъ сборникѣ: *Духовная школа* (М. 1906) есть разсказъ, очевидно относящійся къ одной изъ М. Семинарій. Инспектура начала отбирать нелегальную литературу у семинаристовъ и въ числѣ другихъ трофеевъ инспекторскаго штурма оказалось и сочиненіе: „Вселенскіе соборы IV и V вѣк.“ (Для успокоенія мнительнаго читателя замѣчу, что книга эта въ 1905 году, къ нашему удивленію, внесена Учебнымъ Комит. при Синодѣ въ число сочиненій, спеціально *одобренныхъ* для дух. семинарій).

[2]) Нужно сказать, что съ 1900 года, съ появленіемъ новаго лица на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ св. Синодѣ, провалъ докторскихъ и магистерскихъ диссертацій *за направленіе* окончательно прекратился. Честь и слава тому, кто положилъ конецъ преслѣдованію богословской науки и ея представителей.

ныхъ властей наклоняются въ ту сторону, чтобы не дать возможности церковнымъ историкамъ возобновить, пересадить или внѣдрить какое-либо заблужденіе, понимая подъ такого рода заблужденіемъ очень многія отступленія, имѣющія лишь малое отношеніе къ существу догматическаго богословія. Но возникаетъ вопросъ: можно ли считать нашихъ представителей духовной власти болѣе компетентными судіями по вопросамъ богословія, чѣмъ писателей церковно-историческихъ сочиненій, принимая въ особенности во вниманіе, что и эти послѣдніе по своей природѣ тоже богословы? У извѣстнаго публициста В. В. Розанова мы встрѣтили повѣствованіе, которое даетъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ. Въ этомъ повѣствованіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является несомнѣнно покойный проф. В. В. Болотовъ; второе дѣйствующее лицо мнѣ неизвѣстно. Фонъ картины не безъ ошибокъ, но сущность сказанія очень правдоподобна. Розановъ пишетъ: „Мнѣ передавали разсказъ изъ жизни знаменитаго, недавно умершаго профессора церковной исторіи въ Петербургской Академіи: готовясь держать экзаменъ на степень доктора (очевидная ошибка!), онъ жилъ въ одной квартирѣ съ баккалавромъ (анахронизмъ) академіи изъ пріявшихъ монашескій чинъ и готоваго вскорѣ стать архіереемъ (теперь архіерей, прибавляетъ Розановъ). Шутя онъ спрашивалъ товарища, какъ надо „исповѣдовать“ ту-то или ту-то истину; тотъ отвѣчалъ осторожно, путаясь. „Ересь“ на десятомъ словѣ съ торжествомъ перебивалъ его знатокъ: „это мнѣніе было осуждено такимъ-то правиломъ такого-то собора“. И о чемъ еще онъ не спрашивалъ теперешняго архіерея, тотъ не могъ ни о чемъ безъ еретичествованія сказать. Когда возсоединяли съ православіемъ сиро-халдеевъ, то чинъ ихъ пріятія, т. е. чинъ отреченія отъ несторіанской ереси и чинъ исповѣданія Православія, могъ составить только единственно этотъ ученый. Всѣ прочіе спутались бы, сбились; и сами впали бы и сирохалдеевъ ввели бы въ какую-нибудь изъ бывшихъ или въ новую ересь“ [1]). Нѣкоторые подумаютъ, что въ особенности въ послѣднихъ словахъ явное преувеличеніе; но это не совсѣмъ такъ. Дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ символическихъ книгъ со строго выработаннымъ со-

[1]) Около церковныхъ стѣнъ. Томъ I. 270—271. Спб. 1906.

держаніемъ, въ которыхъ бы истины вѣры были строго-формулированы и выражены точнымъ языкомъ. У насъ многіе считаютъ себя догматистами, и однакожъ несомнѣнно не выдержатъ экзамена даже у учениковъ покойнаго профессора В. В. Болотова. Намъ извѣстенъ слѣдующій интересный фактъ. Одинъ русскій архіерей, конца XIX вѣка, написалъ книгу, подъ многознаменательнымъ заглавіемъ: „Догматическое богословіе“ (Ч. I—II. 1886—7 г.), представилъ ее для пріобрѣтенія степени доктора православнаго Богословія (изъ сего видно, что онъ уже имѣлъ степень магистра Богословія); но ему было отказано въ этомъ, на томъ, между прочимъ, основаніи, что его „Догмат. богословіе“ не согласовалось съ православнымъ ученіемъ. Точный отчетъ обо всемъ можно находить въ „протоколахъ Совѣта Моск. дух. Академіи“. Профессоръ-рецензентъ усмотрѣлъ въ книгѣ: „примѣры, свидѣтельствующіе о нетвердости *догматическихъ знаній* и неясности догматическихъ понятій автора“. Первый указываетъ, что второй неправильно представляетъ себѣ „дѣйствія таинства крещенія“, что онъ въ ученіи о первородномъ грѣхѣ впадаетъ въ пелагіанское заблужденіе, что также не различаетъ Символовъ вѣры отъ Исповѣданій вѣры, т. е. точныхъ и обязательныхъ источниковъ вѣры отъ менѣе точныхъ и т. д. [1]). Такимъ архіереемъ, несвѣдущимъ въ истинахъ вѣры, былъ теперь уже покойный Рязанскій епископъ Іустинъ Полянскій († 1894). Такимъ образомъ видно, что не всегда-то судіи наши стоятъ выше подсудимыхъ.

Вообще, по нашему мнѣнію, требованіе, чтобы церковно-историческая наука являлась какою-то служанкой догматическаго богословія, понимаемаго, какъ хотятъ,—въ самомъ широкомъ смыслѣ, основывается на какомъ-то прискорбномъ недоразумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, мы вполнѣ понимаемъ, когда намъ говорятъ, что догматика русская должна быть православна, догматика протестантовъ протестантична и т. д.; потому что догматика есть наука сепаративная, стремящаяся отдѣлить себя непроходимою пропастью отъ всякой другой догматики. Напротивъ, церковная исторія, какъ дѣйствительная наука, не можетъ и не должна служить никакимъ ча-

---

[1]) Журналы Совѣта Моск. дух. Акад. за 1889 г., стр. 72—74. (Изъ рецензіи проф. А. Д. Бѣляева).

стнымъ сепаративнымъ интересамъ. Всѣ церкви, всѣ христіанскія общества разсматриваются въ ней, какъ единая семья, какъ единый народъ Божій. Не ея дѣло дѣлить христіанскіе народы, подлежащіе ея изученію, на овецъ и козлищъ. Она должна показать, какія перемѣны во всѣхъ отношеніяхъ случались въ церкви христіанской, при какихъ условіяхъ возникли извѣстныя христіанскія общества; но третировать одни общества, какъ ложно-христіанскія, другія, какъ истинно-христіанскія—дѣло не церковной исторіи. Полемика между церквами происходитъ не на почвѣ церковно исторической, а на почвѣ сепаративно-догматической, потому что съ точки зрѣнія исторіи всѣ церкви—явленія исторически истинныя. Церковная исторія есть среда, гдѣ примиряются всѣ противоположности вѣроисповѣданій, какъ догматика есть, напротивъ, среда, гдѣ живетъ духъ вѣроисповѣдной вражды. Въ самомъ дѣлѣ, потребуемъ одного, чтобы историкъ былъ безпристрастенъ и тогда православная исторія найдетъ правою себя, католическая себя, протестантская себя, потому что каждое изъ этихъ явленій возникло вслѣдствіе непреложныхъ законовъ своего развитія. Онѣ не могутъ быть ни правы, ни виноваты въ томъ, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ. Отдѣльныя церкви суть явленія, возникшія и выработавшіяся путемъ историческимъ, помимо ихъ воли, и потому требуютъ отъ историка полнаго дружелюбія и братолюбія. Церковно-историческая наука стоитъ за истину историческую, а не за истину вѣроисповѣдную: первая одна, а вторая дробится.

Наша небольшая работа закончилась. Теперь Духовныя Академіи, благодаря измѣнившимся условіямъ жизни, стали на болѣе удобный и торный путь развитія науки. Въ добрый часъ!

Два піонера церковно-исторической науки у насъ

и немногія свѣдѣнія о жребіяхъ ихъ преемниковъ.

Въ далекія старыя времена въ греческой Церкви церковная исторіографія имѣла многихъ примѣчательныхъ представителей. Эта область богословскихъ наукъ воздѣлывалась съ удивительной энергіей. То ли видимъ въ новѣйшее время? Ничего похожаго. Можно быть увѣреннымъ, что рѣдко кому извѣстенъ даже по имени хоть одинъ греческій церковный историкъ новѣйшаго времени. Это не потому, что въ наше время больше обращаютъ вниманіе на западныхъ историковъ и ихъ изучаютъ, оставляя въ сторонѣ греческихъ. Нѣтъ, греки ничего не даютъ сколько-нибудь примѣчательнаго въ данномъ отношеніи. Намъ равно нечему учиться у нихъ. Начиная съ 15-го вѣка, со времени паденія Византіи и до настоящаго времени извѣстно только два сочиненія, принадлежащихъ перу греческихъ богослововъ и сколько-нибудь заслуживающихъ вниманіе историка. Да и то разумѣемъ сочиненія очень не новыя. О нихъ мы только упомянемъ, потому что останавливаться долго на нихъ значило бы понапрасну тратить дорогое время. Одно изъ этихъ сочиненій написано Досиѳеемъ, патр. Іерусалимскимъ, жившимъ въ концѣ XVII вѣка, а издано оно въ началѣ XVIII-го. Оно заглавляется: „Исторія Іерусалимскихъ патріарховъ“. Книга заключаетъ въ себѣ до 2000 страницъ и представляетъ, вопреки заглавію, общій очеркъ церковной исторіи съ древнихъ временъ—съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на исторію патріархата Іерусалимскаго. Другое сочиненіе принадлежитъ митрополиту Аѳинскому Мелетію: „Церковная исторія“. Эта исторія из-

дана въ трехъ томахъ въ 1783 году. Написана же она авторомъ въ началѣ XVIII-го вѣка и доведена до того времени, когда жилъ самъ авторъ [1]). Вотъ и все болѣе замѣчательное, чѣмъ подарила православная Грецiя науку въ послѣднiя столѣтiя.

Видно, что церковная Грецiя потеряла ключи науки. Что касается единовѣрныхъ намъ славянъ, то намъ никогда не приходилось ни видѣть церковно-историческихъ сочиненiй, принадлежащихъ славянскимъ богословамъ, ни слышать о нихъ. Вообще, какъ извѣстно, наука у славянъ весьма не процвѣтаетъ. Быть можетъ славяне въ простотѣ души ждутъ: не дастъ ли имъ щедролюбивая Россiя и церковно-историческую науку, какъ она осыпала ихъ великими и богатыми милостями въ другихъ отношенiяхъ.

Остается обратиться къ судьбѣ церковной историографiи на почвѣ русской. Можемъ ли по крайней мѣрѣ мы, русскiе, похвалиться въ этомъ отношенiи хоть чѣмъ-нибудь предъ Греками и славянами? Далеко нѣтъ, и во всякомъ случаѣ очень мало. Мы также бѣдны церковно-историческими научными трудами, какъ и вся вообще православная Церковь. Долго было бы объяснять причины такого явленiя. Пришлось бы винить и строгую цензуру и русскую косность, и неблагопрiятныя условiя, въ какихъ находилась доселѣ церковно-историческая наука въ ряду прочихъ богословскихъ наукъ и пр. и пр. [2]). Скажемъ одно: церковно-исторической литературы почти нѣтъ на Руси, потому что не развита была потребность въ такой литературѣ, долгое время не было сознанiя важности ея.

Конечно, при такихъ условiяхъ невозможно и требовать по крайней мѣрѣ отъ прежней богословской учености, чтобы она оставила намъ какiе-либо труды по этой наукѣ. Кто бы сталъ заниматься ею въ то время? Зачѣмъ? Для кого? И вотъ не только въ прежнiе вѣка, но и въ XVIII вѣкѣ никто у насъ не оставилъ послѣ себя никакого церковно-

---

[1]) Подробности о Досиѳеѣ и Мелетiи: *А. Лебедева.* Исторiя греко-восточной церкви, стр. 63—68. Спб. 1904. Изд. 2-ое.

[2]) См. мою статью: „условiя развитiя церковно-исторической науки у насъ". *Бог. Вѣстн.*, 1907, апрѣль. А такъ же мою же книгу: „Церковная историографiя".

историческаго сочиненія въ смыслѣ курса или учебника. Но стоило дать только небольшой толчокъ церковно-исторической наукѣ и наука церковно-историческая появилась, показала ростки, заговорила, хоть и не зацвѣла. Такимъ толчкомъ мы должны признать Синодскій указъ въ концѣ XVIII вѣка, предписывавшій преподавать въ духовныхъ Академіяхъ, какъ выражается указъ „церковную исторію съ показаніемъ главныхъ эпохъ". Этотъ указъ достопамятенъ въ томъ отношеніи, что вызвалъ появленіе на свѣтъ перваго русскаго церковнаго историка, который оставилъ намъ въ наслѣдіе первый опытъ по общей церковной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ требовалось учить юношей церковной исторіи, но какъ ихъ учить, по какой книгѣ? Самой необходимостію вещей наука богословская вынуждалась составить хоть какой-нибудь учебникъ по церковной исторіи. Такъ и было. 1805 годъ—это годъ, когда родилась на свѣтъ первая книга по нашей наукѣ.

Этотъ годъ долженъ быть памятенъ для любителей церковно-исторической науки. Творцомъ этой книги былъ Меѳодій архіепископъ Тверскій, впослѣдствіи Псковскій.

I Меѳодій (Михаилъ) Смирновъ.

Меѳодій, архіепископъ псковскій, лифляндскій и курляндскій (1761—1815 г.) родился въ г. Вереѣ и былъ сыномъ священника. Изъ этого города отецъ его потомъ перешелъ въ село Дерюзино, близъ Троицкой лавры, а отсюда въ село Малое Алексино, расположенное въ той-же мѣстности. Поводомъ для его отца къ переходу въ эти два села было желаніе его дать возможность съ бо̀льшими удобствами учиться его сыновьямъ въ знаменитой тогда Троицкой лаврской семинаріи. Будучи въ этой семинаріи, Михаилъ (въ монашествѣ Меѳодій) своими блестящими способностями обратилъ на себя вниманіе прозорливаго митрополита Платона. Послѣдній перевелъ его въ Московскую славяно-греко-лат. академію, назначивъ ему усовершенствоваться въ греческомъ языкѣ, и для этого онъ далъ ему помѣщеніе въ греческомъ монастырѣ, находящемся рядомъ съ названною академіею. Молодой студентъ и здѣсь обнаружилъ замѣчательные успѣхи; въ награду ему Платонъ приказалъ начальству шить для него какое-то особое платье, лучшее, чѣмъ какимъ довольствовались прочіе студенты. Затѣмъ мы видимъ его учителемъ греческаго и еврейскаго языка въ лаврской семинаріи, столь любимой Платономъ. Черезъ годъ онъ дѣлается префектомъ (инспекторомъ) и ректоромъ ея въ скромномъ санѣ іеромонаха. Интересно отмѣтить, что ректоръ Меѳодій часто совершалъ въ Сошественской церкви литургію на греческомъ языкѣ, при чемъ и діаконы и пѣвшіе службу семинаристы тоже дѣлали свое дѣло на томъ же языкѣ. Какъ извѣстно, Московская дух. академія, наслѣдница лаврской семинаріи, разъ въ годъ въ теченіе пятидесятницы имѣетъ обыкновеніе отправлять литургію на греческомъ языкѣ. Не есть ли это остатокъ, наслѣдіе отъ греческихъ священнослуженій ректора Меѳодія? Черезъ семь лѣтъ онъ переводится въ Москву и дѣлается ректоромъ славяно-греко-лат. академіи, въ санѣ архимандрита. Любопытно, что здѣсь въ одной изъ аудиторій онъ начинаетъ вести тѣ самыя бесѣды,

которыя въ наше время стали называться внѣбогослужебными и которыми стали хвастаться какъ счастливымъ изобрѣтеніемъ; на бесѣды о. ректора собиралась большая масса всякаго народа. Результатомъ этихъ бесѣдъ было сочиненіе Меѳодія, подъ заглавіемъ: „Толкованіе на посланіе ап. Павла“ (еще при жизни его выдержавшее три изданія и признанное строгимъ критикомъ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, какъ „примѣрное въ своемъ родѣ“). Въ это же время завязались какія-то сношенія между англійскими теологами и русскою церковію, повидимому, по вопросу о соединеніи двухъ этихъ церквей и Меѳодій долженъ былъ представить для указанныхъ теологовъ „отвѣты“ о различіи восточной церкви отъ западной, о почитаніи иконъ и т. д. [1]). Слѣдуетъ отмѣтить, что Меѳодій былъ талантливѣйшимъ профессоромъ. О немъ разсказываютъ, что когда Меѳодій переведенъ былъ изъ Троицкой семинаріи въ Московскую академію, то троицкіе студенты богословія *толпами* устремились за нимъ въ академію, чтобы дослушать изложеніе имъ богословской системы [2]) (Нужно помнить, что двѣ эти школы въ то время мало чѣмъ отличались одна отъ другой). Въ 1794 году Меѳодій, еще въ санѣ архимандрита вызванъ былъ въ Петербургъ для засѣданія въ Синодѣ, въ качествѣ его члена. Какъ членъ Синода, онъ долженъ былъ имѣть аудіенцію у Екатерины II. И вотъ въ томъ самомъ таврическомъ дворцѣ, въ которомъ ораторствуютъ Алексинскіе, Аникины, Джапаридже и Пуришкевичи, Меѳодій произнесъ похвальную рѣчь императрицѣ; послѣдняя была настолько милостива, что пригласила скромнаго архимандрита къ своему царскому столу. Меѳодій былъ очарованъ и выходя изъ роскошнаго дворца сказалъ самому себѣ: Quod felix sit faustumque! (Да буду я счастливъ и благопоспѣшенъ). Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого на долю Меѳодія выпала честь произнести слово въ день тезоименитства государыни, въ ея присутствіи и въ присутствіи всего царствующаго дома. Проповѣдь Москов-

---

[1]) Начертаніе жизни и дѣяній (?) Меѳодія архіеп. псковскаго и т. д., стр. 5—10; 25—26. Москва, 1823. (Изданіе рѣдкое). Но здѣсь жизни Меѳодія и его сочиненіямъ посвящено лишь 24 страницы, остальное же пространство въ книгѣ заполнено баластомъ—проповѣдьми Ме—дія.

[2]) С. К. Смирнова. Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, стр. 179. М. 1867.

скаго ректора произвела сильное впечатлѣніе на наслѣдника престола Павла Петровича, который въ тотъ же день потребовалъ представить ему ораторское произведеніе (очевидно, оно было написано). А 30 ноября, встрѣтившись съ Меѳодіемъ въ придворной церкви, цесаревичъ привѣтливо сказалъ Меѳодію: „я весьма радъ, что имѣлъ случай познакомиться съ вами". Какой невозвратимой стариною вѣетъ отъ этихъ, указанныхъ придворныхъ нравовъ и какъ просты и непосредственны они были! Въ 1795 году Меѳодій сдѣланъ былъ епископомъ воронежскимъ, а потомъ въ теченіе 20-ти лѣтъ онъ перебывалъ архіереемъ и въ Коломнѣ (тогда еще существовала коломенская епархія), и въ Тулѣ, и въ Твери и наконецъ во Псковѣ. Въ 1803 году онъ сдѣланъ членомъ Синода и возведенъ въ рангъ архіепископа. Не слѣдуетъ забывать и того, что онъ состоялъ членомъ россійской академіи наукъ. Меѳодію, кромѣ того историческаго труда, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію, богословская наука обязана многими сочиненіями, между которыми въ глазахъ церковнаго историка заслуживаетъ наибольшаго вниманія его „разсужденіе о древности и важности такъ называемыхъ апостольскихъ правилъ" [1]) (Москва, 1903). Прибавленіе словъ: „такъ называемыхъ апостольскихъ" ясно свидѣтельствуетъ, что авторъ считалъ ихъ подложными (каковое признаніе едва-едва лишь въ послѣднее время получило права гражданства, да и то только для высшихъ школъ).

Мы не можемъ отказать себѣ въ истинномъ удовольствіи познакомить читателя съ духовныхъ завѣщаніемъ Меѳодія. На нашъ взглядъ оно очень замѣчательно. Въ немъ говорится: „деньги мои 10.000 рублей (на наши деньги это составитъ не менѣе двадцати тысячъ) раздать бѣднымъ и нищимъ, изъ коихъ бы тѣ и другіе просили подаянія, именно: *Христа ради*, а не инымъ какимъ-либо свѣтскимъ вараженіемъ" (примѣрно, ради борьбы съ монархизмомъ и бюрократіею). Деньги эти ввѣрялись Московской дух. консисторіи, раздача же ихъ должна быть произведена по волѣ архипастыря Московскаго [2]). Во первыхъ, нельзя достаточно по-

[1]) Начертаніе жизни Меѳодія, стр. 11—18.

[2]) Начертаніе жизни Меѳодія, стр. 19.

хвалить высокопреосвященнѣйшаго Меѳодія, что, повидимому, всѣ свои деньги, и деньги большія, онъ завѣщевалъ самымъ естественнымъ архіерейскимъ наслѣдникамъ — нищимъ. Во вторыхъ, очень трогательно, что наслѣдниковъ этихъ онъ приказалъ искать въ Москвѣ и ея предѣлахъ, гдѣ онъ воспитался, учился, училъ и научился право править слово истины: благодарность и признательность за содѣланное намъ добро суть высокіе дары Божіи. Не даромъ же митр. Платонъ писалъ Амвросію митр. петербургскому, отзываясь о нашемъ Меѳодіи, какъ „человѣкѣ доброй души и рѣдкихъ достоинствъ“ [1]). Далѣе, очень интересно распоряженіе Меѳодія о своей библіотекѣ. „Книги мои—читаемъ въ его завѣщаніи—отдать въ библіотеку семинаріи Троицкой лавры, изъ коей библіотеки не передавать тѣхъ книгъ никуда“. Но такъ какъ въ годъ смерти Меѳодія троицкой семинаріи уже не существовало, то книги его а равно и нѣкоторыя цѣнныя рукописи поступили въ Моск. дух. академію, замѣнившую собою здѣсь семинарію (съ 1814 г.) [2]). Говорятъ, что библіотека Меѳодія долгое время составляла предметъ удивленія, главнымъ образомъ по множеству цѣнныхъ и рѣдкихъ книгъ: пріѣзжавшіе въ лавру на поклоненіе святынѣ, если они были причастны наукѣ, посѣщали и библіотеку академіи, чтобы зрѣть ея сокровища, наслѣдованныя ею отъ Меѳодія. Стоимость этой библіотеки доходила до 15.000 р., очень большія деньги для тогдашняго времени. Остальное свое имущество (неизвѣстно, въ чемъ оно заключалось) владыка отказалъ своему брату, но не въ собственность, а затѣмъ, чтобы онъ далъ имуществу такое употребленіе, на какое „вразумитъ его Господь Богъ“. Подлино, Меѳодій былъ „добрый рабъ“ и безъ сомнѣнія онъ „вниде въ радость Господа своего“ (Мѳ. 25, 21) [3]).

Изложенныя свѣдѣнія о Меѳодіи, съ нашей точки зрѣнія,

---

[1]) С. К. Смирнова. Исторія троицкой семинаріи 489. Поучительную картину нравственныхъ отношеній Меѳодія находимъ въ „Начертаніи жизни“ его, 23—24.

[2]) С. К. Смирнова. Исторія моск. дух. академіи, стр. 283. М. 1879. Изъ библіотеки приснопамятнаго Меѳодія и у меня въ настоящую минуту находится подъ руками четыре латинскихъ тома съ надписью: ex libris Methodii a Smirnow (повидимому, сдѣланною отъ руки жертвователя).

[3]) Начертаніе жизни Меѳодія, 20. 22.

очень интересы. Но мы обладаемъ и еще болѣе интересными. Мы имѣемъ возможность составить себѣ понятіе о немъ, *какъ ученомъ*, заглянуть въ сокровенные уголки его души, жаждущей серьезныхъ знаній. Нужно сказать, что Меѳодій былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ свѣтиломъ богословской науки, митрополитомъ Платономъ. Платонъ называетъ его „умомъ проницательнымъ и ученымъ“ [1]). Между этими лицами велась самая оживленная переписка, остатки которой сохранились и до насъ. Переписка эта замѣчательна тѣмъ, что она посвящена разъясненію и церковно-историческихъ вопросовъ и позволяетъ, хоть немного заглянуть въ душу нашего перваго историка, Меѳодія, опредѣлить интересы и стремленія его. Къ сожалѣнію, мы можемъ сдѣлать это въ очень незначительной мѣрѣ. Одна изъ причинъ заключается въ томъ, что рука какого-то неизвѣстнаго вандала вырѣзала изъ писемъ митр. Платона самыя важныя для насъ мѣста, именно: гдѣ Меѳодій и Платонъ обмѣниваются своими мыслями по вопросамъ исторіи церкви [2]). И кому это понадобилось? Безъ сомнѣнія, это есть дѣло какого-нибудь безразсуднаго рутинера, возмущавшаго свѣжестью и новизною воззрѣній названныхъ нами ученыхъ іерарховъ. Но напрасно однакожъ трудился неизвѣстный вандалъ! И изъ тѣхъ отрывочныхъ фразъ, и изъ тѣхъ изуродованныхъ и урѣзанныхъ періодовъ, какіе избѣжали ножницъ и ускользнули отъ бдительности нашего инквизитора, можно при должномъ вниманіи дойти до кое-чего очень важнаго. Во первыхъ, мы съ несомнѣнностію можемъ видѣть предметы, о которыхъ спорили двое ученыхъ мужей въ концѣ XVIII вѣка. Такими предметами были вопросы о св. Аѳанасіи, его низложеніи съ каѳедры, о смерти Арія, о соборахъ, о правилахъ собора сардикійскаго и карѳагенскаго. Во вторыхъ, и это главное: открывается возможность судить о направленіи ихъ богословствованія и науки. На основаніи одного мѣста изъ письма Платона можно догадываться, что они ставили св. Писаніе неизмѣримо выше такъ называемаго

---

[1]) „Извлеченіе изъ писемъ митр. Платона къ архіеп. Меѳодію“ (сообщеніе проф. П. С. Казанскаго). *Чтен. въ общ.* люб. дух. просвѣщ. 1877, матеріалы, стр. 54.

[2]) Тамъ же, стр. 46 примѣч.

преданія [1]). Въ этомъ находимъ указаніе, что они до извѣстной степени сходились съ протестантами и чуждались римско-католическихъ взглядовъ. Сличая это не совсѣмъ ясное указаніе съ тѣмъ, что говоритъ Меѳодій объ этомъ вопросѣ въ своей церковной исторіи, можно утверждать о нашемъ историкѣ, что онъ въ воззрѣніяхъ на преданіе сближается съ протестантами [2]). Далѣе, между Меѳодіемъ и Платономъ возникаетъ споръ касательно свидѣтельства церковнаго историка Ѳеодорита о смерти Арія. (По Ѳеодориту, будто бы Александръ еписк. Константинопольскій вымолилъ у Господа смерть Арія: кн. I, гл. 14). Платонъ склонялся къ защитѣ этого сказанія, а Меѳодій напротивъ отвергалъ его, считая его не заслуживающимъ вѣроятія, противнымъ своимъ научнымъ представленіямъ. Платонъ разсуждалъ, что если одно станешь отвергать въ древнихъ свидѣтельствахъ, то придется отвергать и другое; а въ такомъ случаѣ, наприм., „повѣствованія Ѳеодорита, если они окажутся противными нашему мнѣнію, или должны быть исключены (зачеркнуты) или потерять свою вѣроятность“, разсуждалъ Платонъ. Меѳодій же хотѣлъ, чтобы разсказъ Ѳеодорита о поносной смерти Арія „былъ исключенъ“, т. е. отвергнутъ наукою. Наконецъ, между ними возникли какіе-то горячіе споры по вопросамъ догматическимъ, въ пониманіи которыхъ они рѣшительно расходились другъ съ другомъ. Меѳодій писалъ Платону: „не будемъ болѣе спорить съ вами по вопросамъ догматическимъ, и затѣмъ добавляетъ: „*мы расходимся съ вами въ самыхъ началахъ*, но это не мѣшаетъ нашей дружбѣ“. Переписка двухъ корифеевъ тогдашней науки почему-то носила на себѣ печать тайны. Платонъ посылаетъ Меѳодію одно „разсужденіе“, очевидно съ догматическимъ оттѣнкомъ и замѣчаетъ: „это разсужденіе никому другому не сообщу, кромѣ тебя“. Проситъ критики съ его стороны, но при этомъ Платонъ пишетъ: „сообщи мнѣ. Говорю мнѣ одному“ [3]). Вотъ и все, что мы можемъ сказать о направленіи богословскаго ума Меѳодіева.

---

[1]) Тамъ же, стр. 54.

[2]) Точное заглавіе книги помѣщено ниже. См. тамъ въ книгѣ стр. 149—150.

[3]) „Извлеченія изъ писемъ“, стр. 54—55. Слѣдуетъ замѣтить, что въ одномъ изъ своихъ писемъ Платонъ упоминаетъ о полученіи Меѳодіемъ письма отъ императора Павла, чуть ли не въ годъ восшествія его на престолъ. Платонъ считаетъ это важнымъ отличіемъ (стр. 52).

Этого, конечно, очень немного; но теперь мы по крайней мѣрѣ понимаемъ, почему письма Платона подверглись инквизиціонному ножу. Съ извѣстной точки зрѣнія они дѣйствительно заслуживали того. Безъ сомнѣнія, въ письмахъ было и еще многое, болѣе важное, болѣе характеристичное, чѣмъ то, что пощадили ножницы неизвѣстнаго цензора. Замѣчательно, что ученая переписка Меѳодія съ Платономъ относится къ тому времени, когда первый тоже уже сдѣлался архіереемъ. Очевидно, Меѳодій былъ дѣйствительнымъ ученымъ, который интересовался вопросами, въ особенности церковно-историческими, не ради профессіи, но по чисто-научнымъ побужденіямъ. Изъ приведенныхъ отрывковъ въ письмахъ названныхъ лицъ видно, что Меѳодій обладалъ умомъ самостоятельнымъ, критическимъ и даже скептическимъ. Можно-ли было ожидать этого отъ какого-то Меѳодія, намъ теперь почти вовсе неизвѣстнаго?

Но пора уже обратиться и къ разсмотрѣнію труда Меѳодія по церковной исторіи. Сочиненіе это написано на латинскомъ языкѣ и носитъ такое заглавіе: Liber historicus de rebus, in primitiva sive trium primorum et quarti ineuntis seculorum ecclesia christiana. Проще: исторія первоначальной христіанской церкви или первыхъ трехъ и начала четвертаго вѣковъ. Издана въ Москвѣ, in quarto и заключаетъ въ себѣ 311 страницъ. Любопытно узнать, что сочиненіе Меѳодія доставило ему двѣ монаршихъ награды: сначала орденъ Александра Невскаго, а потомъ бриліантовый крестъ на клобукъ [1]). Книга тотчасъ по изданіи, въ 1805 г., введена была въ качествѣ учебника въ славяно-греко-лат. академіи [2]). Но по правдѣ сказать: едва-ли она годилась для этой цѣли. Она предполагаетъ очень серьезную подготовку въ читателѣ. Она могла быть полезна для наставника, да и то не для всякаго. Отъ этого-то быть можетъ и отошелъ въ область исторіи этотъ замѣчательный трудъ [3]).

---

[1]) „Начертанія жизни Меѳодія, стр. 27. См. „Покушеніе на жизнь Меѳодія“ (ст. Н. Розанова): *Истор. Вѣстн.*“ 1887, октябрьс. кн. Въ началѣ XIX вѣка церковныхъ историковъ щедро награждали; но не такъ стало потомъ. Но объ этомъ подробнѣе ниже.

[2]) С. К. Смирнова. Исторія славяно-греко-лат. академіи, 296. М. 1855.

[3]) Исторія эта почему-то не была переведена и на русскій языкъ.

Книга состоитъ изъ краткаго предисловія—praefatio,—обширнаго введенія—prolegomena, и самой исторіи.

Въ praefatio или предисловіи замѣчательны по своей энергичности первоначальныя строки его. Видно, что пишетъ человѣкъ, горячо убѣжденный въ важности церковно-исторической науки. Онъ говоритъ: „глупо христіанину быть невѣждой въ такихъ вещахъ, какія касаются его собственной религіи, нечестиво и непристойно пренебрегать и неглижировать ими; ужъ не скажу: отрицать ихъ. О какое безуміе! И однакожь примѣры такого жалкаго явленія весьма многочисленны. Умолчу о тѣхъ, кто впадаетъ въ ошибки по невѣдѣнію; есть такія лица, которыя принадлежа къ числу отличныхъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ однакожь святыя вѣрованія церкви считаютъ дѣломъ вульгарнымъ и суевѣрнымъ“ [1]). Книга значитъ имѣла цѣлію не только просвѣтить невѣдующихъ, но и защитить вѣру противъ людей свободомысленныхъ и невѣрующихъ.

Болѣе замѣчательны, чѣмъ praefatio, prolegomena—введеніе. Введеніе открывается жалобой автора на то, что въ послѣднее время очень много стало появляться между русскими книгъ иностранныхъ, касающихся церковной исторіи. Эти книги онъ находитъ вредными для умственнаго развитія православныхъ людей. Въ примѣръ того, какъ и чѣмъ эти книги могутъ быть вредны для послѣднихъ, онъ дѣлаетъ разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ протестантскихъ сочиненій. Именно онъ разбираетъ Магдебургскія центуріи (сочиненіе XVI вѣка) и церк. исторію Мосгейма (XVIII вѣка). Такъ онъ разбираетъ взглядъ составителей центурій, которые, разсказывая объ Іоаннѣ Крестителѣ и его жизни въ пустынѣ пользуются этимъ случаемъ, чтобы сказать свое жесткое слово о христіанахъ пустынникахъ, которые по ихъ словамъ, уподоблялись медвѣдямъ или мизантропамъ, чуждающимся всего человѣческаго [2]). Разумѣется Меѳодій вполнѣ не соглашается съ этимъ взглядомъ [3]). Еще больше вреда авторъ

---

[1]) Liber historicus, p. 1.

[2]) Lib. histor. p. 1—2.

[3]) Эти немногія замѣчанія Меѳодія противъ Центурій добавимъ еще слѣдующими. Нами было уже сказано, что у насъ подъ руками имѣется экземпляръ Центурій изъ библіотеки этого архіепископа. Въ немъ мы находимъ на поляхъ страницъ критическія отмѣтки, сдѣланныя собствен-

указываетъ въ тѣхъ воззрѣніяхъ, какія проводятся въ сочиненіи Мосгейма. Дѣйствительно, это былъ замѣчательнѣйшій ц. историкъ XVIII вѣка, и всякій серьезный изслѣдователь непремѣнно долженъ былъ высказать свое мнѣніе о церк. исторіи его, если онъ хотѣлъ писать научный трудъ[1]). Не совсѣми полемическими замѣчаніями Меѳодія можно соглашаться, но есть между ними несомнѣнно дѣльныя. Меѳодій не право судитъ:—когда противъ Мосгейма защищаетъ разсказъ Евсевія о чудѣ случившемся съ такъ называемымъ громоноснымъ легіономъ при Маркѣ Авреліи,—когда старается доказать вопреки тому же Мосгейму, что будто бы были соборы въ церкви ранѣе конца II вѣка,—когда наконецъ усиливается подорвать мнѣніе Мосгейма, что въ III вѣкѣ бракъ епископа не только не считается предосудительнымъ, но былъ вполнѣ позволительнымъ дѣломъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ справедливость на сторонѣ Мосгейма, а не на сторонѣ Меѳодія. Но Меѳодій несомнѣнно правъ, когда опровергаетъ чрезчуръ странную мысль Мосгейма, что будто Арій, этотъ, какъ онъ называетъ его несчастный человѣкъ, умеръ не отъ чего другого, какъ отъ яда, которымъ будто бы его отравили изъ ненависти православные[2]). Здѣсь Мосгеймъ хватилъ чрезъ край, какъ и часто случается съ этимъ слишкомъ самоувѣреннымъ писателемъ. Изъ этихъ своихъ замѣчаній Меѳодій дѣлаетъ тотъ выводъ, что для православ-

---

ною рукою жертвователя и выражающія его нерасположеніе къ этому произведенію. Любопытства ради выпишемъ нѣкоторыя изъ этихъ отмѣтокъ. Такъ въ I томѣ, на стр. 371, противъ неумѣстнаго сравненія монаховъ съ медвѣдями и мизантропами, Меѳодій написалъ: Quorsum haec? Къ чему это? На стр. 867 составители Центурій, объясняя слова: 1 Тим., 3: епископъ долженъ быть одной жены мужъ, говорятъ, что это значитъ: „епископъ не долженъ заразъ имѣть многихъ женъ“. Противъ этихъ строкъ Меѳодій написалъ одно слово: falleris! лжешь! На стр. 995 читаемъ такую мысль: „тотъ не можетъ имѣть силы для добродѣтели, кто захочетъ обладать тлѣннымъ богатствомъ“. Противъ этого мѣста Меѳодій написалъ: Lutherum refert! Это относится къ Лютеру! Нѣкоторыхъ замѣтокъ мы не разобрали, вслѣдствіе слитности буквъ. Приведеніемъ этихъ замѣтокъ Меѳодія мы хотѣли выразить благодарность давнему жертвователю книгъ, дабы онъ зрѣлъ съ неземныхъ высотъ, что книги его и въ XX вѣкѣ имѣютъ читателей.

[1]) Обстоятельнѣе о Магдебурскихъ центуріяхъ и о Мосгеймѣ см. въ моей книгѣ: „Церковная исторіографія. Спб., 1903. Изд. 2-е.

[2]) Liber hist. p. 2. 3. 6.

ныхъ не безопасно пользоваться книгами неправославными, разумѣется въ качествѣ учебниковъ, и указываетъ въ этомъ основаніе (ratio), почему онъ принялся за трудъ составленія своей исторіи. Другое основаніе, какое его побуждало къ этому же дѣлу, онъ находитъ въ желаніи помочь юношамъ, изучающимъ церк. исторію, ибо сочиненія иностранныя по церк. исторіи такъ обширны, что изученіе ихъ отняло бы у нихъ слишкомъ много времени. Меѳодій обѣщаетъ составить такое сочиненіе, въ которомъ не будетъ ничего лишняго, и которое въ тоже время познакомитъ съ самымъ характеристичнымъ [1]).

Затѣмъ начинается самая существенная часть въ prolegomena. Именно здѣсь мы встрѣчаемъ у него исторію церковно-исторической литературы. Этотъ отдѣлъ у Меѳодія изложенъ довольно подробно (отъ 13 по 78 стр.). Если изученіе исторіи церковно-исторической науки должно быть признано дѣломъ вообще полезнымъ, то мы должны будемъ согласиться, что Меѳодій былъ историкомъ со вполнѣ научными пріемами. Здѣсь встрѣчаемъ у него болѣе или менѣе обширныя и притомъ критическія замѣчанія о слѣдующихъ историкахъ: Іосифѣ Флавіи, Егезиппѣ, Юліи Африканѣ, Евсевіи, Сократѣ, Ѳеодоритѣ, Евагріи, Филосторгіи, Сульпиціи Северѣ, Зонарѣ, Никифорѣ Каллистѣ. А также о новѣйшихъ греческихъ историкахъ, напр. Мелетіи Аѳинскомъ (XVIII в.). Нужно замѣтить впрочемъ, что эти отзывы Меѳодія относительно указанныхъ историковъ не самостоятельны. Онъ просто переписываетъ въ книгу готовыя уже мнѣнія объ этихъ историкахъ или древнихъ рецензентовъ, напр., патріарха Фотія (изъ его „библіотеки“), или болѣе замѣчательныхъ новѣйшихъ рецензентовъ: Каве, Флёри, Фабриція. Хотя эти отзывы и не самостоятельны у Меѳодія, во всякомъ случаѣ они показываютъ въ немъ человѣка глубоко ученаго. По мѣстамъ, хотя и рѣдко, Меѳодій дѣлаетъ замѣтки и отъ себя касательно того или другаго историка. Такъ мы находимъ у него не мало самостоятельныхъ мыслей о церковномъ историкѣ Евсевіи. Вообще его трактатъ объ Евсевіи нужно отнести къ числу самыхъ совершенныхъ въ книгѣ: отзывъ его отличается и правдивостію и тонкостію анализа, напр., онъ

[1]) Liber hist., p. 9—10.

очень основательно разсуждаетъ объ аріанизмѣ Евсевія. Курьезно слѣдующее его замѣчаніе о Евсевіи со словъ какого-то неизвѣстнаго автора: rara avis in terris nigroque simillima cygno. Т. е. Евсевій „рѣдкая птица въ мірѣ, онъ подобенъ черному лебедю“ (pag. 26). Да, замѣчаетъ отъ себя Меѳодій, Евсевій рѣдкая птица, потому что онъ свилъ себѣ гнѣздо въ самомъ дворцѣ Константина. Отмѣтимъ также его отзывъ въ prolegomena о греческомъ историкѣ Мелетіи аѳинскомъ [1]). Меѳодій обратился къ извѣстному греческому выходцу въ Россіи, архіепископу Евгенію Булгарису, прося его прислать ему на время имѣвшійся у этого списокъ сочиненія Мелетія на древне-греческомъ языкѣ. Евгеній Булгарисъ въ отвѣтъ на эту просьбу написалъ въ письмѣ критическій отзывъ о Мелетіи. Меѳодій и вноситъ въ свою исторію эту епистолярную критику Евгенія. Съ своей стороны Меѳодій замѣчаетъ объ этой исторіи, что „прочитавъ ее, онъ не встрѣтилъ въ ней ничего такого, что заставляло бы русскихъ отвращаться отъ нея; онъ примѣтилъ въ ней лишь нѣсколько очень извинительныхъ ошибокъ“ [2]). Что касается до отзыва Евгенія Булгариса, то онъ очень обстоятеленъ и заслуживаетъ полнаго вниманія и въ наше время.

Въ заключеніе, въ prolegomena Меѳодій сообщаетъ свѣдѣнія о древнихъ и новыхъ собирателяхъ каноновъ церковныхъ, объ издателяхъ актовъ соборныхъ. О новѣйшихъ же западныхъ писателяхъ по церковной исторіи въ prolegomena нѣтъ ни слова: очевидно онъ считалъ достаточнымъ того, что онъ ранѣе сказалъ о составителяхъ „Магдебургскихъ центурій“ и о Мосгеймѣ.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ самой церковной исторіи Меѳодія. Въ своемъ трудѣ сочинитель говоритъ о слѣдующихъ матеріяхъ и въ такомъ порядкѣ. Сначала о политическомъ и религіозномъ состояніи Іудеевъ во времена Христа и о религіозно-нравственномъ состояніи язычниковъ того же времени. Замѣчательно: для характеристики состоянія Іудеевъ сочинитель между прочимъ пользуется и талмудомъ. За-

---

[1]) Церк. исторія Мелетія издана на новогреческомъ языкѣ, хотя написана была по старогречески. Подробнѣе въ моей „Исторіи греко-вост. церкви“ (loc. cit).

[2]) Liber hist., p. 42—43.

тѣмъ излагается жизнь Христа, говорится объ апостолахъ и евангелистахъ, ихъ дѣятельности и писаніяхъ. Далѣе разсказывается о церковной іерархіи, таинствахъ, праздникахъ, постахъ, соборахъ. Замѣтно, сочинитель рѣчь свою направляетъ противъ воззрѣній протестантовъ на эти вопросы [1]). Затѣмъ идетъ рядъ главъ о ересяхъ и расколахъ и церковныхъ писателяхъ. Ереси авторъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ, вслѣдствіи чего выходитъ нѣкоторая путаница. Вообще главы о ересяхъ самыя бѣдныя по содержанію и научному значенію. Нѣтъ никакой классификаціи ересей, сообщеніе свѣдѣній о еретикахъ напоминаетъ собой послужные списки. Но и здѣсь попадаются замѣтки, дѣлающія большую честь уму Меѳодія. Такъ напр. онъ произноситъ очень высокое мнѣніе о Ѳеодоритѣ Кирскомъ, какъ основательномъ писателѣ о ересяхъ (reliquis haeresiologis prudentior). Въ этомъ случаѣ нашъ Меѳодій беретъ пальму первенства изъ рукъ тѣхъ современныхъ писателей, изслѣдующихъ источники ересей первыхъ трехъ вѣковъ, которые развиваютъ въ качествѣ неслыханной новости свое высокое мнѣніе о Ѳеодоритѣ [2]). О писателяхъ церковныхъ Меѳодій говоритъ очень мало. Онъ почти довольствуется указаніями, что о томъ или другомъ изъ нихъ можно читать тамъ-то, или тамъ-то, разумѣется у иностранцевъ. Здѣсь авторъ подробенъ только тогда, когда состояніе науки требовало обратить вниманіе на вопросъ о подлинности того или другаго сочиненія отеческаго. У автора нѣтъ ни раскрытія ученія отеческаго, ни характеристики отеческихъ сочиненій. У него ни слова не сказано даже о знаменитой Александрійской школѣ. Послѣднія главы книги посвящены исторіи гоненій, при чемъ указываются и причины ихъ, но авторъ ограничивается указаніемъ лишь такихъ причинъ, о какихъ говорятъ апологеты. Здѣсь подробнѣе всего и живѣе Меѳодій говоритъ о Діоклитіанѣ. Извѣстія о гоненіяхъ сообщаются съ достаточной критикой. Планъ сочиненія нужно признать удовлетворительнымъ. Исторія Меѳодія, ко вреду для своего дѣла, захватываетъ помимо исторіи въ

---

[1]) Conf. p. 191. 197.

[2]) Разумѣю проф. А. М. Иванцова, „Ереси и расколы первыхъ вѣковъ“ стр. 316—317. М. 1877.

собственномъ смыслѣ, и канонику, и патристику, и литургику, отсюда, какъ естественное слѣдствіе, сжатость, переходящая въ непріятную сухость изложенія. Не похвально поступаетъ Меѳодій также, когда для доказательства древности какого-либо обряда или обычая пользуется свидѣтельствами не современными, а позднѣйшими, напр. третій вѣкъ изображаетъ по свидѣтельствамъ IV и V вѣка. Іоаннъ Златоустъ является у него свидѣтелемъ церковнаго устройства и управленія первыхъ вѣковъ. Этими замѣчаніями о Меѳодіи и ограничимся.

Краткій очеркъ исторіи Меѳодія, думаемъ, еще не достаточно познакомилъ читателя съ особенностями этого историка. А потому мы находимъ цѣлесообразнымъ привести мнѣнія и сужденія его по нѣсколькимъ отдѣльнымъ вопросамъ. Здѣсь личность писателя выяснится для нашего сознанія полнѣе, рѣшительнѣе. Къ числу довольно оригинальныхъ, хотя и погрѣшительныхъ, разсужденій автора можно отнести его мысли о таинствахъ первыхъ вѣковъ. Прежде всего онъ различаетъ таинства по разрядамъ, между ними онъ находитъ таинства первостепенныя и второстепенныя: primaria sacramenta и sacramenta secundi generis. Первостепенными онъ называетъ тѣ таинства, кои не только указаны, но и учреждены самимъ Христомъ, второстепенными тѣ, кои указаны Христомъ, но учреждены самою церковію [1]). Такимъ образомъ встрѣчаемъ у автора довольно смѣлую мысль, что Церковь подлежитъ развитію въ самыхъ существенныхъ своихъ сторонахъ, въ расширеніи числа таинствъ. У Меѳодія нѣтъ указанія на миропомазаніе, какъ на отдѣльное таинство, оно у него сливается съ крещеніемъ, такъ что у него выходитъ только шесть таинствъ. Очень странно у автора названіе Елеосвященія: extrema unctio [2]). Названіе это (послѣднее помазаніе) и понятіе, съ нимъ соединяемое, принадлежитъ католической, а не православной Церкви. Это взглядъ католическій на елеосвященіе, какъ на таинство, приготовляющее къ смерти. Меѳодій, оберегая себя отъ мнѣній протестантскихъ, въ тоже время значитъ не слишкомъ берегся отъ вліянія католицизма. Также

---

[1]) Lib. hist. p. 192. 217.

[2]) Lib. hist., p. 226.

странно и доказательство Меѳодія, что елеосвященіе практиковалось въ первые вѣка. Именно онъ приводитъ слова Тертулліана о томъ, что одинъ христіанинъ, по имени Проклъ сдѣлался приближеннымъ къ императору Септимію Северу за то, что онъ исцѣлилъ послѣдняго отъ болѣзни посредствомъ помазанія елеемъ [1]). Вѣдь христіанинъ помазываетъ язычника, не принадлежащаго къ Церкви, развѣ здѣсь можетъ быть мѣсто для христіанскаго таинства!

Еще болѣе характеристичными для Меѳодія считаемъ мы его мысли и доказательство подлинности пресловутыхъ сочиненій Діонисія ареопагита. Наше вниманіе въ настоящемъ случаѣ обращаетъ на себя замѣчательная критическая способность автора, его остроуміе, находчивость и относительная сила его аргументовъ. Меѳодій прежде всего разбираетъ тѣ возраженія по поводу подлинности сказанныхъ сочиненій, которыя встрѣчаются у древнѣйшаго изъ критиковъ писаній Діонисія, у греческаго пресвитера Ѳеодора, жившаго въ VII вѣкѣ, и которыя сохраняютъ всю свою силу до нашего времени. Вотъ первое изъ такихъ возраженій: 1) если сочиненія, приписываемыя Діонисію, подлинны, то почему никто изъ писателей Церкви, жившихъ вскорѣ послѣ Діонисія, не приводитъ мыслей изъ нихъ, почему они, писатели, не цитируютъ этихъ сочиненій? Меѳодій отвѣчаетъ: сочиненія Діонисія не цитировались древними по многимъ причинамъ: сочиненія эти могли не встрѣчаться имъ и не быть у нихъ подъ руками. Затѣмъ, древніе не имѣли обыкновенія при раскрытіи догматическаго ученія ссылаться на какихъ-либо церковныхъ писателей, за исключеніемъ того случая, когда еретики злоупотребляли какимъ-либо церковнымъ писателемъ, выставляя его своимъ сторонникомъ; потому что древніе опровергали враговъ вѣры *исключительно свидѣтельствами изъ св. Писанія*. Такъ св. Аѳанасій, ведя борьбу съ аріанами, ставитъ имъ въ упрекъ то, что они, помимо св. Писанія, любятъ ссылаться на какихъ-либо писателей и на опредѣленія соборовъ. „Развѣ есть что-либо, что имѣло бы больше значенія, чѣмъ Писаніе“, говорилъ Аѳанасій. И никогда Аѳанасій, поражая аріанъ, не опирается и не ссылается на авторитетъ отцевъ церкви; за исключеніемъ

[1]) Lib. hist., p. 227.

тѣхъ случаевъ, когда противники пользовались этимъ авторитетомъ для прикрытія своихъ заблужденій. Такъ, когда аріане выставляли своими единомышленниками Оригена и Діонисія александрійскаго, то они старались защищать ихъ и доказывать ихъ православіе, не смотря на то, что Оригенъ дѣйствительно заблуждался. Поэтому нечего удивляться тому, что древніе не цитировали Діонисія ареопагита. По поводу этихъ разсужденій Меѳодія мы считаемъ долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Къ удивленію нашему, Меѳодій утверждаетъ, что въ древности не было обыкновенія доказывать истины вѣры свидѣтельствами отцевъ, но только свидѣтельствами Писанія. Видно, что авторъ совершенно расходится съ нами въ воззрѣніи на отцевъ Церкви, писанія которыхъ мы считаемъ такъ называемымъ церковнымъ преданіемъ, почти равнымъ по авторитету съ Писаніемъ. Если бы Меѳодій жилъ въ наше время, его провозгласили бы еретикомъ. Значитъ, въ старое доброе время жилось совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ... Меѳодій не имѣлъ нашихъ представленій о церковномъ преданіи и его важности. Это— условіе чрезвычайно важное для научной дѣятельности богослова. Богословъ стараго времени имѣлъ право, не грѣша противъ совѣсти, разсуждать объ ученіи отеческомъ со всѣмъ безпристрастіемъ и научною строгостію. Такъ ли это даже и теперь? Мы старательно перелистывали всю книгу Меѳодія, отыскивая въ ней пресловутую рубрику: о церковномъ преданіи и его важности, пересмотрѣли всѣ замѣтки въ книгѣ и ничего такого не нашли. Одно мѣсто въ книгѣ положительно утвердило насъ въ мысли, что такого ученія Меѳодій совсѣмъ не зналъ. Именно „преданіемъ“ онъ считаетъ только правила св. апостоловъ, и только одни эти правила, да и то „преданіемъ“ онъ называетъ ихъ потому, что не считаетъ ихъ произшедшими отъ апостоловъ, а считаетъ ихъ только преданными отъ апостоловъ и учениковъ апостольскихъ. Вообще Меѳодій задаетъ важный вопросъ русской богословской наукѣ: откуда взялось у насъ ученіе о церковномъ преданіи, когда его не было въ богословской школѣ временъ Меѳодія, не было и ранѣе, какъ видно это изъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича? Для разъясненія этого вопроса можно было бы указать въ высшей степени поучительные факты, но разъясненіе этого вопроса увлекло бы

насъ далеко, да и оно выходитъ за предѣлы нашихъ задачъ.

Но продолжаемъ разсматривать разборъ Меѳодія возраженій по поводу подлинности ареопагитикъ. У пресвитера Ѳеодора 2, говорилось: почему Евсевій, хорошо знакомый съ отеческою литературою, не дѣлаетъ никакого упоминанія о книгахъ Діонисія? Въ отвѣтъ на это возраженіе Меѳодій приводитъ слова св. Максима Исповѣдника, комментатора сочиненій Діонисія, въ которыхъ высказывается мысль, что Евсевій зналъ далеко не всѣ древнія сочиненія; такъ онъ не зналъ сочиненій Пантена, не всѣ (?) зналъ сочиненія Климента римскаго, изъ сочиненій Оригена упоминаетъ не болѣе четырехъ сочиненій. Къ этимъ словамъ Максима Меѳодій прибавляетъ еще, что Евсевій не зналъ апологіи Аѳинагора и его сочиненія о воскресеніи мертвыхъ. Меѳодій при этомъ задаетъ себѣ вопросъ: а почему не упоминаетъ сочиненій Діонисія Іеронимъ въ своемъ „каталогѣ церковныхъ писателей“. Въ разъясненіе этого вопроса нашъ историкъ указываетъ на то, что Іеронимъ не былъ самостоятельнымъ писателемъ: свои свѣдѣнія о церковныхъ писателяхъ онъ заимствовалъ у Евсевія, о чемъ онъ и самъ прямо говоритъ, а почему у него въ его каталогѣ писателей церковныхъ есть только то, что есть у Евсевія. Наконецъ Меѳодій для разъясненія вопроса ссылается на то, что самъ Діонисій Ареопагитъ въ сочиненіи „о церковной іерархіи“ увѣщеваетъ Тимоѳея, для котораго онъ назначаетъ свои сочиненія, чтобы онъ не распространялъ ихъ въ народѣ. Этимъ, по Меѳодію, и объясняется, почему ареопагитики не были книгами распространенными въ церкви.

Третье возраженіе, извѣстное со временъ пресвитера Ѳеодора, состояло въ слѣдующемъ: какимъ образомъ Діонисій, будучи современникомъ апостоловъ, какъ это видно изъ книги *Дѣяній*, однакожъ въ своихъ сочиненіяхъ описываетъ съ величайшею подробностію такіе обряды и обычаи христіанскіе, которыхъ во времена апостольскія не было и которые утвердились въ церкви постепенно въ послѣдующее уже время (разумѣется наприм., совершеніе таинства елеосвященія)? Меѳодій отвѣчаетъ: неправда, что этихъ обрядовъ и обычаевъ не было во времена апостольскія; они были, но только совершались въ первые три вѣка, въ эпоху

лютыхъ гоненій, не столь торжественно, какъ впослѣдствіи. Что эти обряды и обычаи преданы самими апостолами, объ этомъ свидѣтельствуетъ Василій Великій въ книгѣ о святомъ Духѣ.

Четвертое возраженіе у Ѳеодора пресвитера было такое: какимъ образомъ авторъ ареопагитикъ могъ цитировать въ своихъ сочиненіяхъ посланіе Игнатія Богоносца къ римлянамъ, написанное въ годъ его смерти, когда извѣстно, что Діонисій умеръ при Домиціанѣ, а Игнатій позднѣе при Траянѣ? Меѳодій отстраняетъ это возраженіе тѣмъ, что отыскиваетъ другое свидѣтельство нѣкоего Михаила Синкелла (жив. въ VIII вѣкѣ), который утверждаетъ, что Діонисій умеръ позже Игнатія, въ царствованіе Адріана. Впрочемъ Меѳодій кажется мало придавалъ значенія свидѣтельству Синкелла, писателя позднѣйшаго, а потому допускаетъ также, что цитаты изъ посланія Игнатія первоначально не было въ сочиненіяхъ Діонисія, и что эта цитата внесена позднѣе какимъ нибудь безразсуднымъ человѣкомъ.

Покончивъ рѣчь съ пресвитеромъ Ѳеодоромъ, Меѳодій указываетъ и разбираетъ и другія возраженія противъ ареопагитикъ, которыя дѣлались какими-то противниками (adversarii), вѣроятно протестантами. Эти противники возражали: какимъ образомъ Діонисій могъ назначить свои сочиненія для Тимоѳея, конечно ученика Ап. Павла, когда Тимоѳей скончался очень рано. Это возраженіе Меѳодій разрѣшаетъ тѣмъ, что здѣсь-де разумѣется Тимоѳей не ученикъ Павла, а другой Тимоѳей, намъ неизвѣстный. Еще возражали: могъ ли писатель перваго вѣка съ такою подробностію говорить о монашествѣ и обрядахъ, совершающихся при постриженіи въ монахи, когда самого монашества въ то время не существовало? Отвѣтъ Меѳодія очень слабъ: онъ ссылается въ доказательство существованія монашества въ вѣкъ апостольскій на свидѣтельство Евсевія, взятое изъ Филона о египетскихъ ѳерапевтахъ, проводившихъ жизнь подвижническую, но само свидѣтельство Евсевія основано, какъ многіе думаютъ, на недоразумѣніи [1]).

Лично мы не раздѣляемъ мнѣній Меѳодія о подлинности сочиненій Діонисія и присоединяемся ко мнѣніямъ возража-

---

[1]) Liber historicus, p. 256—262.

телей и противниковъ подлинности ихъ. Но это не должно отнимать цѣны у изслѣдованій Меѳодія. Вопросъ о сочиненіяхъ Діонисія не рѣшенъ еще и по сію пору въ нашей наукѣ. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій представители нашей науки высказали три мнѣнія неодинаковыхъ между собой. Кіевскій профессоръ Скворцовъ (покойный) въ своемъ докторскомъ сочиненіи приписывалъ эти сочиненія Діонисію Александрійскому III вѣка, критикъ его о. Смирновъ „въ Правосл. обозрѣніи“ доказывалъ, что они написаны неизвѣстнымъ авторомъ въ IV или V вѣкѣ. А ученѣйшій епис. Порфирій Успенскій въ Моск. журналѣ „Чтенія въ обществѣ Любителей Дух. Просвѣщенія“, въ концѣ 79 года съ удивительною эрудиціею доказывалъ ихъ подлинность. Разноголосица поразительная! Церковь же наша не выразила своего голоса по этому вопросу.

Конецъ нашимъ разсужденіямъ о Меѳодіи. Помянемъ добрымъ словомъ преосвященнаго Меѳодія Смирнова, нашего перваго историка, писателя почти забытаго, но заслуживающаго немалыхъ похвалъ.

II. Иннокентій (Иларіонъ) Смирновъ.

Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ послѣ появленія труда Меѳодія. Вслѣдствіе новыхъ потребностей съ корня преобразованной духовной школы (разумѣемъ преобразованія духовной академіи и семинаріи по т. н. уставу Сперанскаго, появившагося въ царствованіе Александра I) [1]), русская богословская наука вызвана была къ напряженной дѣятельности и по части церковно-исторической. Явилась настоятельная нужда въ серьезномъ учебникѣ по церковной исторіи и эта нужда быстро была удовлетворена. Такимъ благодѣтелемъ былъ архим. Иннокентій Смирновъ, потомъ епископъ Пензенскій, составившій извѣстное *начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка*, въ двухъ томахъ. Сочиненіе вышло въ 1817 году и имѣло много изданій. Кстати упомянемъ, что годомъ раньше другой архимандритъ Филаретъ Дроздовъ, тогда еще ректоръ петербургской академіи, издалъ свое: „Начертаніе церковной исторіи". Начертаніе Иннокентіево было какъ бы продолженіемъ сейчасъ названной книги Филарета. Какъ Филаретъ не добровольно долженъ былъ составить свою книгу, а по неотложной нуждѣ; тоже самое должно сказать и объ Иннокентіи: будучи профессоромъ церковной исторіи въ петербургской академіи, онъ во чтобы то ни стало вынужденъ былъ написать и издать руководство по церковной исторіи. Нужно сказать, что оба названныя лица съ живымъ интересомъ относились къ насажденію церковно-исторической науки въ тогдашнихъ школахъ. Иннокентій былъ заинтересованъ ея успѣхами, какъ профессоръ этой науки, и потому всячески спѣшилъ стать на уровнѣ этой науки, надъ своей книгой работалъ, не покладая рукъ (какъ въ наше неврастеническое время работать даже и не умѣютъ), работалъ, надо

---

[1]) См. объ этомъ мою „вступительную лекцію по исторіи церкви" въ университетѣ. (Богосл. Вѣстн., 1895, т. III и отдѣльно).

думать, въ ущербъ для своего здоровья. Филаретъ же интересовался успѣхами указанной науки, какъ человѣкъ просвѣщенный, а главное, какъ лицо, на которое возлагались со стороны духовныхъ властей всѣ надежды, по приведенію въ порядокъ первѣе всего преобразованныхъ духовныхъ школъ въ Петербургѣ. Намъ очень отрадно отмѣтить, что въ тѣ времена Филаретъ выражалъ о церковной исторіи очень возвышенное понятіе; онъ называлъ „исторію церкви общимъ святилищемъ“ [1]), т. е. какъ бы всемірнымъ храмомъ. Названіе вполнѣ приличествующее церковно-исторической наукѣ (любопытно, что это выраженіе, употребленное впервые Филаретомъ въ 1810 г., потомъ вошло въ такъ называемый проэктъ устава — замѣнявшій собою уставъ, — въ 1814 г.) [2]). Конечно, о святилищѣ нельзя не заботиться, Филаретъ и заботился. Вотъ напр. прекраснѣйшее правило, преподанное имъ и теперь, увы, всѣми забытое въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода: „книги учебныя должны—рѣчь идетъ о духовныхъ семинаріяхъ—держаться на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“. А у насъ, въ наше время, по крайней мѣрѣ по церковно-исторической наукѣ, такъ почти и остались на одной линіи съ тѣми открытіями и успѣхами, какія сдѣланы были въ 1813 году, когда Филаретъ писалъ свои золотыя слова. И однакоже это вовсе не такая наука, на которую можно было бы смотрѣть свысока, отдавая напр., наибольшее вниманіе философіи или богословію. Филаретъ утверждалъ, что это такая наука, которая требуетъ большого вниманія: „церковная исторія—разсуждалъ онъ—питаетъ умъ и сердце“ [3]) и тѣсно соединена съ главнымъ предметомъ духовныхъ школъ, т. е. конечно изученіемъ религіи христіанской. Филаретъ былъ врагомъ преподаванія церковной исторіи по руководственной только книжкѣ. При одномъ случаѣ, въ ревизорскомъ отчетѣ о состояніи петербургской семинаріи (въ 1817 г.) Филаретъ порицалъ здѣсь преподаваніе церковной исторіи за то, что оно безпечно почиваетъ на „классической

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Ф—та. Томъ I, стр. 31.

[2]) См. объ этомъ мою „вступительную лекцію по исторіи церкви“ (Loco citat.).

[3]) Собран. мнѣній и отзывовъ, I, 70. 72.

книгѣ“ (преподавателемъ же былъ нѣкто Ив. Щелкуновъ). Можно полагать, что Филаретъ впослѣдствіи къ нашей наукѣ сталъ относиться холоднѣе: тому могло быть много причинъ. Главное заключалось въ томъ, что тяжело было смотрѣть на состояніе ея у насъ: она, какъ крыловскій возъ, не двигалась съ мѣста [1]).

Біографію Иннокентія намъ нѣтъ надобности разсказывать. Она уже не разъ была пересказана другими, ранѣе насъ [2]).

---

[1]) По авторитетнымъ словамъ самого Филарета преподаватели даже духовныхъ академій и при томъ въ концѣ 30-хъ годовъ: брели по сей книгѣ (т. е. еписк. Иннокентія) по чужому слѣду, не разсуждая, хотя имъ о семъ и напоминали“. С. К. Смирнова. Исторія моск. дух. акад., 226. М. 1879.

[2]) Жизнь Иннокентія была описана не разъ. Самымъ обстоятельнымъ образомъ въ статьяхъ *Христ. Чтенія* (въ 1884—5: „Иннокентій еписк. пензенскій“). Число этихъ статей очень велико, именно пять (не менѣе 130 стр.), хотя на самомъ дѣлѣ біографическія свѣдѣнія объ этомъ историческомъ лицѣ очень скудны. Авторъ—прот. В. Жмакинъ—захотѣлъ изучить это лицо въ связи съ условіями того времени, когда жило оно; отъ этого-то и получилась протяженность Иннокентіевой біографіи у жизнеописателя. Произведеніе о. Жмакина достойно Иннокентія. Напрасно только онъ называетъ отзывъ проф. Чистовича о церковной исторіи Иннокентія „ученымъ отзывомъ“ (1884, I, 424). Слишкомъ много чести для Чистовича, писавшаго исторію академіи въ качествѣ историка-чиновника, а не ученаго историка. (Отзывъ занимаетъ 11 строкъ и не чуждъ фразъ, напр., авторъ говоритъ: „духъ исторіи превосходный“. Духъ превосходный—точно дѣло идетъ о кадетскихъ корпусахъ. См. подробнѣе ниже). Не тщательно о. Жмакинъ собралъ пособія для оцѣнки Иннокентія, наприм. не обратилъ вниманія на нашъ „отзывъ“ объ Иннокентіи (появившійся въ прибавл. къ твор. св. отцовъ—и отдѣльно; онъ вошелъ въ составъ одной книги выпущенной еще въ 1881 г., подробнѣе ниже). Не отличаются ясностію его сужденія о нравственномъ достоинствѣ отношеній митр. Филарета къ Иннокентію—предметѣ, оцѣнка котораго колеблется. (Но объ этомъ еще будетъ рѣчь). Напрасно авторъ отказался отъ изслѣдованія сочиненій Иннокентія. Предлогъ, подъ которымъ онъ сдѣлалъ это, не заслуживаетъ уваженія (ibid. 426). О. Жмакинъ могъ бы сказать прямо, что подобная задача ему не по силамъ. Отыскать источники „Начертанія“ вовсе не легко, а это дѣло неизбѣжное для изслѣдователя указанной книги. Могъ ли взять на себя эту работу авторъ? Нужно сравнить, далѣе, всѣ изданія начертанія между собою, чтобы опредѣлить, насколько улучшенъ или ухудшенъ текстъ книги? Когда? Кѣмъ? Зачѣмъ? Слѣдовало подвергнуть критикѣ другія сочиненія Иннокентія. Сочиненіе біографіи—игрушка въ сравненіи съ подобнымъ трудомъ. Требовалась работа сухая, кропотливая, неблагодарная, но ученая.— Сохраняетъ свою цѣнность и *предисловіе* къ письмамъ Иннокентія къ кн-

Укажемъ лишь нѣкоторыя черты въ ней, необходимыя для большей ясности представленія объ историкѣ; а также пересмотримъ одинъ недоумѣнный вопросъ, связанный съ печальной эпопеею этого архіерея, сдѣланнаго святителемъ въ наказаніе.

Иннокентій, въ мірѣ Иларіонъ, былъ сыномъ дьячка села Павлова (теперь Павловскій посадъ) Московской губерніи. Образованіе получилъ въ знаменитой тогда Лаврской (Троицкой) семинаріи (которую даже митр. Филаретъ, въ бытность на службѣ въ Петербургѣ называлъ въ письмахъ академіею, а учениковъ—студентами), въ которой, тотчасъ по окончаніи курса въ ней, и сдѣлался учителемъ, въ 1805 г. (родился онъ въ 1784 г.); здѣсь же принялъ монашескій постригъ. Въ 1811 г., повидимому неожиданно онъ переведенъ былъ въ Петербургъ на должность профессора церковной исторіи въ здѣшнюю, авансомъ преобразованную академію. Чѣмъ вызвано было это перемѣщеніе, для меня остается не яснымъ. Переводъ этотъ есть крупный шагъ впередъ; но мы рѣшительно ничего не знаемъ о какихъ-либо обнаружившихся въ это время преподавательскихъ талантахъ. Я полагаю, что Филаретъ, самъ учившійся одновременно съ Иннокентіемъ въ Троицкой семинаріи и бывшій съ нимъ одновременно же учителемъ въ этой семинаріи, съумѣлъ оцѣнить умственныя дарованія своего коллеги и такъ или иначе способствовалъ повышенію его по службѣ съ переводомъ въ Петербургъ. Не мѣшаетъ сказать, что Иннокентій лишь на два года и

Мещерской, составленное проф. О. Бодянскимъ. („Чтен. въ обществѣ исторіи и древностей“, 1874, кн. 4 и отдѣльно: М. 1875; письма и предисловіе, разумѣется, изданы вмѣстѣ). Предисловіе это есть краткая біографія, которая не смотря на сжатость (I—XII стр.) отличается обиліемъ извѣстій и теплотою чувства. Можно указать еще на сочиненіе преподавателя Д. Троицкаго: „Иннокентій, очеркъ его жизни и дѣятельности“ (Пенза, 1882). Послѣ Бодянскаго и Жмакина, оно почти ничего не даетъ. Жаль, что онъ во многихъ случаяхъ рабски слѣдуетъ проф. Бодянскому. Въ „предисловіи“ послѣдняго встрѣтилась опечатка, сказано: митр. Филаретъ пережилъ Иннокентія безъ малаго 40 (вмѣсто 50) годами“; Троицкій повторяетъ эту опечатку (стр. 37), не смотря на то, что внесъ въ свою брошюру изъ Бодянскаго не только даты жизни Иннокентія, но и Филарета. Авторъ, по моему мнѣнію, косноязыченъ и вездѣ пишетъ: „Шушковъ“, вмѣсто: Сушковъ, сбивая тѣмъ съ толку неопытнаго читателя его произведенія.

даже менѣе былъ моложе Филарета. Въ 1813 году Иннокентія уже видимъ ректоромъ столичной семинаріи. Иннокентій, не смотря на противоположность Филарету во многихъ отношеніяхъ, вскорѣ началъ входить въ славу въ Петербургѣ. Онъ даже сдѣлался нѣкотораго рода звѣздою на богословскомъ горизонтѣ своего времени. Будущность сулила ему самыя пріятныя картины. Профессоръ Бодянскій, кратко изобразившій жизнь Иннокентія въ одномъ своемъ (уже упомянутомъ нами), этюдѣ, напалъ на счастливую мысль сравнить исторію повышенія въ должностяхъ Иннокентія и Филарета и приходитъ къ тому заключенію, которое онъ подтверждаетъ фактами, что первый почти во всѣхъ должностяхъ былъ преемникомъ второго [1]): другими словами Иннокентій только на шагъ отставалъ отъ Филарета и судя по человѣческимъ разсчетамъ, Смирновъ долженъ былъ очень скоро сдѣлаться вторымъ Филаретомъ по быстротѣ успѣховъ на жизненномъ пути. Даже награды, между которыми встрѣчаемъ одну рѣдкую и даже неслыханную въ наше время, если примемъ во вниманіе, что награду эту они получили еще молоденькими архимандритами,—награды они оба получали почти одинаковыя. Филаретъ „за отличіе въ проповѣданіи слова Божія пожалованъ наперстнымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями“; за тоже самое и за ревностное служеніе Иннокентій награжденъ точно такимъ же крестомъ. Оба они въ одинъ и тотъ же годъ, мало того въ одинъ и тотъ же день, удостоены, только что начавшей входить въ употребленіе, степени доктора богословія. Но, что особенно поразительно, оба они, сначала Филаретъ, а потомъ и Иннокентій, украшены высокимъ по значенію орденомъ св. Владиміра второй степени [2]). Все шло прекрасно въ жизни Иннокентія, и кто бы могъ ожидать этого? Будущность несомнѣнно сулила ему извѣстность, блестящее положеніе; но все кончилось преждевременной могилой въ безвѣстной захолустной Пензѣ.

Чтобы понять смыслъ этой трагедіи, кажется, нужно хоть слегка познакомиться съ нравственнымъ характеромъ Иннокентія, что мы и сдѣлаемъ, насколько намъ позволятъ это размѣры нашей статьи. Родовая фамилія его была: Егоровъ,

---

[1]) Бодянскаго. Предисловіе къ письмамъ, стр. VII—VIII.

[2]) Вмѣсто примѣчанія см. *Приложеніе: А*, въ концѣ статьи.

но въ училищѣ за смиреніе онъ былъ переименованъ „Смирновымъ“ [1]); безъ сомнѣнія не случайно дано ему и монашеское имя: Иннокентій. Скромность, кротость, смиреніе, самоотверженіе составляли и впослѣдствіи его отличительныя черты. Живя и безмѣрно трудясь въ Петербургѣ, нося одновременно множество должностей, онъ однакожъ сталъ носить власяницу, чрезмѣрно постничать. Сокрушеніе о своихъ грѣхахъ, воздыханія ни на минуту не оставляли его [2]). Когда его сдѣлали ректоромъ, онъ нисколько не обрадовался этому. Самъ онъ въ письмѣ къ графу Потемкину писалъ: „ректорство болѣе связываетъ, а не надмеваетъ того Иннокентія, котораго вы знаете“ [3]). Великое смиреніе, даже не понятное для насъ самоуниженіе выразилъ онъ, когда предъ отправленіемъ въ Пензу прощался со старшимъ классомъ своихъ учениковъ въ семинаріи. Это прощаніе описано очевидцемъ и участникомъ въ немъ. „Цѣлуясь съ каждымъ изъ насъ, говоритъ этотъ послѣдній,—искренне и *братски* „прощайте—говорилъ—прощайте братцы. Не поминайте лихомъ *собаку Иннокентія*. Да возьмите отъ меня на память по подарку“. Съ этими словами, пишетъ очевидецъ, вынесъ каждому изъ нихъ по нѣскольку книгъ, сказавъ о своихъ сочиненіяхъ: „когда сочините лучше, сожгите *сіи негодныя*“ [4]). Проф. Бодянскій говоритъ объ Иннокентіи: „отъ природы склонный къ тихой и уединенной жизни, Иннокентій вовсе не обращалъ вниманія на происходившее вокругъ него, предаваясь до самоотверженія своимъ ученымъ занятіямъ“ [5]). Біографъ его, о. Жмакинъ съ своей стороны говоритъ о немъ: „характеръ Иннокентія, такъ сказать, отличался святыми чертами и нѣкоторые современники представляли его почти—неземнымъ человѣкомъ“ [6]). На нашъ взглядъ Иннокентій былъ какимъ то мистикомъ, жившимъ въ самомъ дѣлѣ гдѣ-то внѣ предѣловъ земныхъ. Этотъ, какъ видимъ, святой че-

---

[1]) Троицкаго. Иннокентій епископъ, стр. 5.

[2]) Ibid. 14.

[3]) Письма Филарета и Иннокентія къ графу Потемкину. *Русск. Стар.* 1883, апр. стр. 48.

[4]) Записки протоіер. Виноградова. (1800 — 1836). *Русск. Ст.*, 1878, Августъ, стр. 564.

[5]) Бодянскаго. Предисл. къ письмамъ, стр. VIII.

[6]) Прот. В. Жмакина. Иннокентій. *Христ. Чт.* 1884, т. I, 792.

ловѣкъ только и дѣлалъ, что сокрушался о томъ, что онъ съ каждымъ днемъ становится въ нравственномъ отношеніи хуже и хуже. Вотъ его собственныя слова, писанныя въ концѣ 1817 года: „какъ въ видимой природѣ растетъ все до предѣла своего или разрушенія, такъ въ природѣ духовной зло (?) не стоитъ на одной ступени и въ одной мѣрѣ; но растетъ непрерывно, умножается и по роду своему приноситъ плоды. Что дѣлать? Это есть во мнѣ и есть такъ, что самому мнѣ ощутительно... Такъ, видно, что ничего не стою“ [1]). Такому человѣку трудно приспособиться къ жизни и его приладить къ ней. Намъ онъ очень напоминаетъ нашего московскаго архимандрита Ѳеодора Бухарева, всѣмъ извѣстнаго. Это были люди, въ которыхъ на іоту не было житейской практичности. Это были апостолы не ко времени.

И такому-то идеалисту, какъ Иннокентій, назначено было судьбою дѣйствовать въ жизненномъ водоворотѣ—въ Петербургѣ, въ мудреныя послѣнаполеоновскія времена, когда всѣ понятія перемѣшались, когда появились направленія мысли, въ которыхъ трудно было разобраться и когда нынче осуждалось то, что завтра восхвалялось.

Событіе, разбившее жизнь Иннокентія и ускорившее его смерть, описано было много разъ и подробно и кратко. Повторять эту грустную повѣсть мы не станемъ. Однакожь мы не можемъ и пройти ее молчаніемъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Сообразно своему характеру прямому и неискательному, Иннокентій не думалъ гнуть спину предъ сильными земли, не умѣлъ и не хотѣлъ распознавать: откуда дуетъ политическій вѣтеръ, и это его сгубило. Онъ не былъ доволенъ и не хотѣлъ примириться съ распространеніемъ въ столицѣ крайнихъ религіозныхъ идей и дорого поплатился за это. Онъ не думалъ сочувствовать модному въ то время, заморскому мистическому направленію, охватившему высшіе классы общества, навѣянному у насъ распространеніемъ переведенныхъ съ иностраннаго языка сочиненій Эккартсгаузена, Юнга—Штиллинга, мадамъ Іюйонъ и др. Это направленіе подхватили нѣкоторые изъ вліятельныхъ петербургскихъ особъ, въ родѣ Лабзина, вицедиректора академіи наукъ, начавшаго издавать мистическій журналъ „Сіонскій вѣстникъ“,

[1]) Письма Филарета и Иннокентія. Loc. cit., іюнь, стр., 558.

Татариновой, Хвостовой, княгини Голицыной, г-жи Крюднеръ и др. Въ качествѣ цензора духовныхъ книгъ Иннокентій пропустилъ къ печати незначительное сочиненіе, написанное мелкимъ чиновникомъ Станевичемъ: „Бесѣда на гробѣ младенца“, направлявшееся противъ ложнаго мистицизма того времени и совпадавшее по своимъ воззрѣніямъ съ идеями самого Иннокентія. Въ этомъ усмотрѣно было противленіе властямъ, тѣмъ болѣе, что оберъ прокуроръ Синода кн. Голицынъ стоялъ на сторонѣ вышеуказаннаго мистицизма. Но повторяю, намъ нѣтъ надобности пускаться въ подробности, тѣмъ болѣе, что разсказъ объ этомъ событіи еще услышимъ изъ устъ современника и очевидца, митрополита Филарета Дроздова, личность котораго и до сихъ поръ нѣкоторыми повѣствователями примѣшивается къ событію и, увы, представляется при этомъ въ невыгодномъ свѣтѣ (по нашему мнѣнію вопреки всякой справедливости). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что изъ за-ничтожной книжки разразились громы небесные, показались слѣдствія, какихъ предвидѣть никто не могъ. 6 Января 1819 года послѣдовало высочайшее запрещеніе вышеуказанной книжки, съ тѣмъ, чтобы сдѣланъ былъ „строжайшій выговоръ цензору за неосмотрительность по пропуску сочиненія, стремящагося истребить духъ внутренняго (?) ученія христіанскаго“. Всѣми признается, что запрещеніе это было исходатайствовано оберъ-прокуроромъ кн. Голицынымъ, который, къ сожалѣнію, былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Филаретомъ. Что сочиненіе: „Бесѣда на гробѣ“ не заключало въ себѣ ничего зловреднаго, видно изъ того, что по ходатайству новаго петербургскаго митрополита Серафима оно опять съ соизволенія же Высочайшей власти допущено было въ 1824 г. и къ печати и къ распространенію. Но въ это время Иннокентія уже не было на свѣтѣ. Запретивъ книгу Станевича, и не удовлетворившись выговоромъ Иннокентію, рѣшено было удалить послѣдняго изъ столицы [1]).

Но прежде чѣмъ сообщить свѣдѣнія о дальнѣйшей или точнѣе сказать, окончательной судьбѣ Иннокентія, постараемся объяснить: какъ случилось, что несомнѣнный ми-

---

[1]) Бодянскаго. Предисловіе къ письм., стр. Ш; IX. Троицкаго. Иннокентій, епископъ, 29. 33—34, и много въ статьяхъ прот. Жмакина.

стикъ Иннокентій такъ сильно негодовалъ противъ мистиковъ и мистицизма, противъ религіознаго направленія, ему родственнаго? Положимъ въ великосвѣтскомъ мистицизмѣ было немало крайностей, но въ такомъ случаѣ и нужно было ратовать только противъ крайностей. Намъ кажется, что въ лицѣ Иннокентія, мистика, и въ лицѣ его враговъ, тоже мистиковъ, столкнулись между собою два направленія восточнаго и западнаго мистицизма. Эти два направленія религіозной мысли еще съ эпохи средневѣковой сильно разнились. Восточный мистицизмъ отличался глубиною міросозерцанія, но въ тоже время носилъ характеръ замкнутости: сосредоточенный въ себѣ, онъ можно сказать, закрывалъ глаза на окружающее. Онъ никогда не переходилъ въ религіозно-общественное движеніе. Мистики востока любили копаться въ своихъ душахъ, оставаясь болѣе или менѣе индеферентными къ оффиціальной церковности. Поэтому, церковь мирными глазами смотрѣла на это явленіе. Иное дѣло—мистицизмъ запада. Онъ не удовлетворялся своеобразною внутреннею религіозностію. Онъ хотѣлъ передѣлать церковь въ духѣ своихъ воззрѣній; мистики западные претендовали на роль реформаторовъ церкви. Такими же были и послѣдователи ихъ, появившіеся въ русскомъ обществѣ, во времена Александра I-го. Иннокентій вѣрно оцѣнивалъ значеніе того мистицизма, противъ котораго вздумалъ бороться, но не съумѣлъ взвѣсить силы его: внѣшняя сила его была большая, но внутренняя почти не заслуживала никакого вниманія. Поэтому, неудивительно, если Иннокентій, столкнувшись съ нашимъ не здоровымъ мистицизмомъ, палъ жертвою своей ревности, но жертва эта была безполезна: мистицизмъ нашъ самъ собою долженъ былъ уничтожиться.

Послѣднія событія въ жизни Иннокентія могутъ быть, безъ вреда для дѣла, переданы очень кратко. Когда рѣшено было удалить его, то рѣшили сплавить его куда нибудь подальше отъ Петербурга, но съ почетнымъ титуломъ архіерея. Сначала хотѣли — было назначить въ азіатскій Оренбургъ, но вліятельная партія почитателей Иннокентія успѣла отклонить это назначеніе, исходатайствовавъ ему епископскую каѳедру въ менѣе захолустномъ городѣ—Пензѣ [1]) Во вся-

[1]) Бодянскаго. Предисл. къ письм., стр., IV.

комъ случаѣ пензенская епископія была не наградою для неутомимаго труженика, а наказаніемъ, почетною ссылкою. Надломленный непомѣрными трудами, всегда слабый здоровьемъ, подъ вліяніемъ неожиданности событій, Иннокентій не перенесъ удара жестокой судьбы. Послѣ посвященія во епископы, что совершилось 22 марта 1819 года, онъ немедленно долженъ былъ ѣхать на епархію. Самъ Иннокентій говорилъ, что онъ „какъ соръ петербургскій, какъ уметъ духовный, выброшенъ изъ Петербурга". [1]). Выѣхавъ наскоро изъ этого послѣдняго, дорогой онъ заболѣлъ, мѣсяца два пролежалъ въ постели въ Москвѣ, и только 21 іюня добрался до мѣста назначенія. Но въ Пензѣ Инокентій прожилъ не много болѣе ста дней. Октября 10-го тогоже года его не стало.

Смерть его, покрытая ореоломъ мученичества, вызвала общія сожалѣнія. Немедленно, послѣ смерти его, вицепрезидентъ академіи наукъ, Лабзинъ, врагъ покойнаго писалъ: Иннокентій „не перенесъ своего креста и умеръ". [2]) Евгеній Болховитиновъ, тогда архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, тотчасъ по смерти Иннокентія въ письмѣ изъ Пскова писалъ одному своему корреспонденту: „жаль молодаго пензенскаго владыку. Не поберегли этого добраго человѣка". [3]) Намъ кажутся особенно симпатичными слова ученика Иннокентія по семинаріи Виноградова, впослѣдствіи протоіерея. „Два мѣсяца не болѣе жилъ онъ (Инн—ій) на епархіи. Смерть пресѣкла златые дни его, ко всегдашнему воспоминанію церкви и въ вѣчную укоризну мірской кривды". [4]) Слова,—въ которыхъ звучитъ что-то Пушкинское. И впослѣдствіи, когда писателямъ приходилось говорить объ Иннокентіѣ, въ словахъ ихъ слышалась нота сожалѣнія и увѣренность, что онъ палъ жертвой злого рока. Профессоръ моск. университета Бодянскій говоритъ: „гоненіе по случаю запрещенія книги: Бесѣда на гробѣ, пропущенной (въ качествѣ цензора) Иннокентіемъ, ускорило конечно кончину его". [5]).

---

[1]) У Бодянскаго. Письмо 23 къ княг. Мещерской, стр. 31.

[2]) *Русск. Архивъ*, 1892 г., дек., стр. 376.

[3]) Тамъ же, за 1889 г., іюнь, стр. 228.

[4]) Записки прот. Виноградова. *Русск. Стар.*, 1878, авг., 565.

[5]) Проф. Бодянскій. Предисл. къ письм., стр. XI.

Теперь разберемъ вопросъ отъ отношеніи митрополита Филарета, тогда еще ректора Петербургской академіи, къ Иннокентію. Прежде и впослѣдствіи выражалось подозрѣніе, что будто Филаретъ былъ болѣе или менѣе прямымъ и во всякомъ случаѣ косвеннымъ виновникомъ извѣстнаго бѣдствія, приведшаго Иннокентія къ тому, что его удалили изъ столицы, а потомъ и къ тому, что онъ безвременно скончался. По моему мнѣнію, ничего нѣтъ хуже подозрѣній: они какъ тѣнь слѣдуютъ за лицемъ, на которое падаютъ подозрѣнія, не увеличиваясь, но никогда и не исчезая. Мы желали найти гдѣ нибудь и у кого нибудь точную формулировку того, въ чемъ собственно подозрѣваютъ его. Но тѣмъ хуже для апологета, какимъ я хочу выступить, руководясь искренной увѣренностію, что митр. Филаретъ несправедливо замѣшанъ въ это дѣло и оклеветанъ безъ малѣйшихъ основаній. Я не нашелъ точно выраженнаго обвиненія Филарета по дѣлу Иннокентія и не ясно понимаю: обвиняютъ ли Филарета въ томъ, что видя какого-то соперника себѣ въ лицѣ Иннокентія, онъ постарался спровадить его изъ Петербурга, или же въ томъ, что онъ холодно отнесся къ бѣдствію, постигшему Иннокентія, не заступился за него, наприм., предъ оберъ-прокуроромъ Голицынымъ?

Для того, чтобы оріентироваться въ вопросѣ о виновности Филарета, выслушаемъ голоса его обвинителей и разберемъ ихъ. Нельзя скрывать; нотка непріязни къ Филарету слышится и въ письмахъ Иннокентія, писанныхъ тотчасъ послѣ катастрофы, какъ это отмѣчено проф. Бодянскимъ. [1]) Но нужно помнить что Иннокентій былъ человѣкъ чахоточный; а чахоточные очень подозрительны, они не рѣдко подозрѣваютъ въ предательствѣ всѣхъ, не исключая руки, ласкающей ихъ. (Припомните разсказъ г. Л. Толстаго: „Три смерти“). Во всякомъ случаѣ никакого опредѣленнаго обвиненія Иннокентій не предъявляетъ къ Филарету. Вышеупомянутый Евгеній Болховитиновъ въ 1819 г., еще до смерти Иннокентія, писалъ: „о назначеніи Иннокентія уже не въ Оренбургъ, а Новгородъ (?) и ко мнѣ пишутъ. Это, кажется, только привязка, чтобы не имѣть соперника и одному оставаться необходимымъ по училищной части. (Ясный намекъ на Филарета).

---

[1]) Бодянскаго. Предисл. къ письм., IX—X.

У петербуржцевъ много хитрости, и рады всякому случаю отгонять другихъ". [1]) Но Евгеній въ это время находился во Псковѣ и питался слухами. Притомъ нужно полагать будущій митрополитъ, человѣкъ очень ученый, вѣроятно завидовалъ быстрому возвышенію Филарета, этой восходящей звѣздѣ на церковномъ горизонтѣ. Но опредѣленнаго обвиненія противъ Филарета нѣтъ и у Евгенія. Больше всѣхъ, какъ намъ кажется, нагадилъ Филарету извѣстный фанатикъ того времени Фотій, архимандритъ Юрьева монастыря. Онъ ненавидѣлъ глубокомысленнаго и ученаго Филарета и всячески перетягивалъ на свою сторону Иннокентія, въ чемъ и успѣвалъ. Фотій настойчивѣе всѣхъ проводилъ мысль объ участіи Филарета въ паденіи Иннокентія. Онъ наприм., говорилъ: „бывшій всегда другомъ Иннокентія Филаретъ..., угождая врагамъ вѣры и церкви, напрасно *единъ* дерзнулъ осудить Иннокентія: его судъ однакоже былъ принятъ". Прот. В. Жмакинъ справедливо находитъ, что здѣсь дѣло доходитъ до очевидной крайности и прибавляетъ, что въ этихъ словахъ справедливо развѣ только то, что Филаретъ дѣйствительно сдѣлалъ дурной отзывъ о книгѣ: „Бесѣда" и пр. [2]) Изъ современныхъ намъ писателей, какъ ни странно это кажется послѣ сейчасъ приведенной критики сужденія Фотія, является склоннымъ вѣрить разбираемому обвиненію кто же? Самъ о. Жмакинъ. Онъ вовсе не намѣренъ снимать обвиненія съ митр. Филарета. Замѣчательна эта глухая вражда Петербурга противъ нашего великаго святителя. О. Жмакинъ, сравнивая между собою Филарета и Иннокентія въ нравственномъ отношеніи, объявляетъ перваго „во многомъ уступавшимъ Иннокентію въ нравственныхъ качествахъ". Пощадите, о. протоіерей! Да почему же такъ? Ужъ не потому ли, что Филаретъ безъ толку не предпринималъ борьбы противъ нездороваго мистицизма Александровскихъ временъ? Но Филаретъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ, что этотъ мистицизмъ эфемерное явленіе. Или не потому-ли, что Филаретъ не попадался въ ловушки и не подвергался ссылкѣ въ какую нибудь жалкую Пензу? Но неужели отецъ протоіерей серьезно думаетъ, что для своего прославленія всякій

---

[1]) Loc. cit., стр. 170.

[2]) Прот. Жмакина. Иннокентій Loc., cit., 1885 г., т. II, 169.

умный человѣкъ долженъ непремѣнно посидѣть въ кутузкѣ? Въ бѣдѣ Иннокентій хотя и бодрился, но сильно страдалъ. Но еслибы случилось что-либо подобное съ Филаретомъ, онъ остался бы спокоенъ и презиралъ бы бѣду. Когда въ Петербургѣ рѣшено было наказать Филарета единственно за то, что онъ смѣлъ свое сужденіе имѣть въ Синодѣ, и сослать изъ Москвы, гдѣ онъ уже былъ митрополитомъ, на Кавказъ экзархомъ Грузіи, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Разумѣется, принять его прошеніе не осмѣлились. Но если бы приняли, онъ спокойно, съ достоинствомъ отличавшимъ Златоуста, удалился бы въ келлію и тамъ предался бы молитвѣ и наукѣ. Когда наконецъ перестанутъ у насъ измѣрять Филарета на свой аршинъ! Это былъ нравственный гигантъ, выражаясь по теперешнему — „сверхчеловѣкъ“. Мы всѣ должны повергаться ницъ предъ этимъ необыкновеннымъ святителемъ, а не разбираться въ тѣхъ сплетняхъ, которыя создали зависть и мелкое самолюбіе,—въ надеждѣ найти въ нихъ предлогъ для того, чтобы бросить упрекъ по адресу перваго по значенію и послѣдняго въ хронологическомъ отношеніи истиннаго пастыря россійской церкви. О. Жмакинъ говоритъ еще: „мы видимъ, что слишкомъ (!) много голосовъ раздается и они настойчиво заявляютъ себя въ пользу того, что Филаретъ былъ не причастенъ паденію Иннокентія“. Сказать: „слишкомъ много“ — значитъ допустить гиперболу. Мы исчислили эти голоса и еще прибавили голосъ Евгенія Болховитинова, въ свое время не зарегистрированный въ печати, но все же этихъ голосовъ мало; да это и не голоса, а пискъ. Только пристрастіе въ пользу Иннокентія можетъ приписывать значеніе пустымъ обвиненіямъ, безъ фактовъ, безъ доказательствъ. Къ счастію, насъ выручаетъ самъ о. Жмакинъ, явно противорѣчащій своему сейчасъ приведенному мнѣнію. Наприм., онъ пишетъ „Филаретъ, при своемъ замѣчательномъ умѣньѣ ладить съ людьми противоположныхъ лагерей *весьма много* помогалъ Иннокентію“. Еще: „Филаретъ *основательно* убѣждалъ своего друга, что послѣдній беретъ на себя такое великое дѣло спасенія церкви, которое не отвѣчаетъ его скромному положенію“. Наконецъ: „Данныя, говорящія въ пользу Филарета сводятся къ одному источнику—къ свидѣтельству самого заинтересованнаго лица, Филарета. Но такъ какъ *нравственный харак-*

теръ м. Филарета всегда *стоялъ на недосягаемой высотѣ* чистоты и *безупречности*, то онъ одинъ можетъ быть признанъ настолько компетентнымъ въ данномъ случаѣ, что свидѣтельство одного Филарета можетъ быть принято въ степени вѣроятности равной вѣроятности свидѣтельствъ современниковъ взятыхъ, всѣхъ вмѣстѣ". [1]) При одномъ случаѣ св. Амвросій говорилъ: Felix ruina, quae reparatur in melius. Сообразно этому: благословенно противорѣчіе, въ какое впадаетъ о. Жмакинъ, ибо благодаря ему разрѣшеніе вопроса пріемлетъ лучшій оборотъ. Тяжесть обвиненія противъ Филарета теряетъ силу.

Теперь, какъ мнѣ кажется, наступилъ самый надлежащій моментъ, чтобы привести показанія самого митр. Филарета по дѣлу Иннокентія, показанія, на которыя сію минуту ссылался прот. Жмакинъ. Они записаны со словъ Филарета и немедленно послѣ того, какъ они огласили слухъ А. Н. Муравьева, аристократа, брата графа М. Н. М. и Н. Н. М—ева Карсскаго. Вотъ что записано А. Н. Муравьевымъ.

Часто слыхалъ я нареканіе на митрополита Филарета: „будто бы онъ былъ виною гоненій на Иннокентія Пензенскаго, который въ свое время почитался ревнителемъ и опорою православія; но я имѣлъ случай слышать, изъ устъ самого владыки его оправданіе, и желалъ бы передать слова его потомству, для того, чтобы ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія не падала на столь благочестиваго мужа. Въ 1852 году, въ день погребенія княгини С. С. Мещерской, которую онъ самъ вызвался отпѣвать, я обѣдалъ у митрополита и, говоря съ нимъ о добродѣтеляхъ покойной, сказалъ ему: „я видѣлъ, что вы были очень тронуты, когда посыпали лице ея землею, и я понималъ ваше чувство, потому что вы любили Императора Александра, а она пользовалась его любовью. Это былъ союзъ, соединявшій васъ, и въ ея лицѣ, какъ будто отходилъ предъ вами въ могилу послѣдній присный остатокъ вѣка Александрова". Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ: „я дѣйствительно уважалъ княгиню, и она кажется была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями Государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ, потому что тогда она подозрѣ-

[1]) Иннокентій епископъ. *Хрис. Чт.*, 1884, I, 420; II, 791; 1885, II, 136. 171.

вала меня въ гоненіи противъ Иннокентія". „Я слышалъ столько различныхъ сужденій объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ я владыкѣ, что мнѣ хотѣлось бы отъ васъ лично получить объясненіе моему недоумѣнію". Митрополитъ весьма просто и откровенно сталъ разсказывать въ слухъ при двухъ служителяхъ, которые были за столомъ. „Часто случается, что когда не знаютъ во всей подробности дѣла, оно даетъ поводъ къ неправильному подозрѣнію. Я всегда былъ хорошъ съ Иннокентіемъ и когда можно предостерегалъ его, но часто ревность увлекала его за предѣлы осторожности. Я говорилъ ему: „намъ, двумъ архимандритамъ, Юрьевскому и Пустынскому, (т. е. Сергіевой пустыни) не спасти Церковь, если въ чемъ есть погрѣшность, а лучше обращаться къ первенствующему митрополиту, котораго голосъ имѣетъ болѣе силы, нежели наши оба". Въ то время появился переводъ Шилинговой книги: „побѣдная пѣснь или истолкованіе Апокалипсиса", въ которой изъясненіе первыхъ пяти печатей были дѣйствительно замѣчательно, но впрочемъ вся книга была проникнута духомъ протестантства, особенно тамъ, гдѣ дѣло шло о соборахъ. Иннокентій сильно возревновалъ противъ этой книги, но я успокоилъ его тѣмъ, что она пропущена свѣтскою цензурою и слѣдовательно лежитъ не на нашей отвѣтственности. Появилось и возраженіе на эту книгу, Смирнова, весьма рѣзкое, но мало толковое, подъ заглавіемъ: „вопль жены, облеченной въ солнце". Иннокентій хотѣлъ пропустить эту рукопись, но я удержалъ его, чтобы не произвести напраснаго волненія, и митрополитъ одобрилъ мое мнѣніе. Нѣсколько времени спустя, когда я отлучился для обозрѣнія семинарій, Иннокентій, будучи огорченъ нѣкоторыми статьями „Сіонскаго Вѣстника", который былъ издаваемъ вице-директоромъ Академіи Лабзинымъ, написалъ рѣзкое письмо къ князю А. Н. Голицыну (оберъ-прокурору) и совѣтовалъ ему залѣчить раны, которыми онъ самъ уязвилъ Церковь. Голицынъ принесъ письмо къ митрополиту, предоставляя его суду рѣзкость выраженій, и митрополитъ съ большимъ трудомъ могъ убѣдить архимандрита идти просить извиненія у князя, по крайней мѣрѣ на томъ основаніи, что если ревность его и справедлива, то не его дѣло упрекать другихъ. Князь примирился съ Иннокентіемъ, но конечно это могло

оставить непріятное впечатлѣніе въ его сердцѣ. Вскорѣ появилась книга Станевича: „плачъ надъ гробомъ младенца“, въ опроверженіе Сіонскаго Вѣстника; но въ ней заключалось много выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для предержащей власти, и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больной, а потому и не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. На мою бѣду я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ. „Знаете ли вы сію рукопись“? спросилъ онъ:—я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая найти въ ней ничего особенно замѣчательнаго; чрезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтъ и произвела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками; какъ видно, кто-нибудь заблаговременно постарался поднести ему такой экземпляръ. „Знаете ли вы эту книгу“? спросилъ меня князь,—она исполнена непріятныхъ мнѣній, и я хочу доложить объ ней Государю; какъ могъ Иннокентій пропустить ее“?—Я старался извинить моего товарища предъ княземъ его нездоровьемъ, и просилъ удержаться отъ доклада Государю для того, чтобы мнѣ дать время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Съ трудомъ согласился на это князь, потому что онъ сильно былъ предупрежденъ. (Говоря по нашему: заряженъ). Дѣйствительно я самъ изумился тому, что нашелъ въ этой книгѣ и поспѣшилъ съ нею къ Иннокентію; онъ отвѣчалъ мнѣ коротко: „что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе“. Я пошелъ къ митрополиту Михаилу просить его, чтобы онъ какъ нибудь помогъ этому дѣлу. Митрополитъ осуждалъ почти каждое слово въ книгѣ; я же сказалъ ему: „оставимъ то, что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ, и перепечатаемъ листы на собственный нашъ счетъ, если не захочетъ авторъ“. Митрополитъ оставилъ у себя книгу и прошла еще недѣля, а между тѣмъ Голицынъ доложилъ Государю и, въ праздникъ Богоявленія, объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ Оренбургскимъ. Нельзя было почитать

такое повышеніе за гоненіе, а только удаленіе изъ столицы и холодный климатъ епархіи могли быть для него тягостны; но митрополиту было особенно больно то, что въ первый разъ, безъ избранія Синодальнаго, назначался епископъ вопреки церковнаго порядка;—онъ замѣтилъ объ этомъ князю, въ присутствіи Синода, и сказалъ: „что на этотъ разъ можно оправдать это тѣмъ, что архимандритъ Иннокентій былъ уже представляемъ однажды отъ Синода, въ числѣ кандидатовъ на архіерейскую каѳедру“. Онъ просилъ однако перевести его въ епархію, болѣе благопріятную по климату, и это было исполнено: Иннокентій былъ назначенъ въ Пензу. Однако, мнѣ кажется, и ему внушили нѣкоторое чувство недовѣрчивости ко мнѣ, потому что въ тѣхъ его письмахъ, которыя мнѣ показывала покойная княгиня, еще въ нынѣшнемъ году, онъ писалъ къ ней обо мнѣ: „преосвященный Филаретъ говоритъ, будто я палъ духомъ;— но знаетъ ли, что я никогда не возвышался духомъ“? „Теперь судите сами степень моей вины, и справедливы ли тѣ нареканія, какія вы слышали“? Съ такимъ смиреніемъ заключилъ онъ начатую имъ бесѣду, и я всталъ изъ за его дружелюбной трапезы, еще съ большимъ къ нему уваженіемъ, если только это было возможно. Этотъ случай, изъ первыхъ годовъ политической и церковной жизни будущаго святителя Московскаго, можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ несправедливо падали на него такого рода обвиненія [1]).“

Намъ остается прибавить еще очень немногое при разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи митрополита Филарета къ Иннокентію въ простомъ, но запутанномъ человѣческою суетою, случаѣ. Въ числѣ самыхъ видныхъ писателей XIX вѣка мы встрѣчаемъ ревностныхъ защитниковъ чести Филарета отъ обвиненій въ предательствѣ имъ своего академическаго коллеги. Извѣстный церковный историкъ, Филаретъ, архіеписк. Черниговскій, ознакомившись съ рукописнымъ оригиналомъ житія Фотія Юрьевскаго, въ кото-

[1]) Письма митр. Филарета къ А. Н. Муравьеву. Предисловіе, стр. III—VIII. Кіевъ, 1869. Тотъ же разсказъ почти буквально встрѣчается у Сушкова. Записки о жизни митр. Филарета, 109—111. М. 1868. Первоисточникомъ служитъ разсказъ Муравьева, который еще въ рукописи сдѣлался извѣстенъ Сушкову и послѣднимъ внесенъ въ его книгу, повидимому, безъ дозволенія записчика разсказа, т. е. Муравьева.

ромъ заключалась вышеприведенная его клевета на святителя Московскаго, писалъ, что „подозрѣніе, падающее на этого послѣдняго, несправедливо“. „По отзыву Филарета Московскаго, заявляетъ историкъ, высказанному мнѣ случайно, онъ напротивъ предостерегалъ и уговаривалъ блаженнаго Иннокентія не одобрять книги (Станевича), которая дѣйствительно при своемъ добромъ намѣреніи написана была плохо, не отчетливо, бездоказательно, безсвязно“ [1]). Заслуживаетъ полнаго вниманія сужденіе въ данномъ случаѣ профессора О. М. Бодянскаго. Что будто Филаретъ былъ соперникомъ Иннокентію, это „невидно изъ писемъ послѣдняго нигдѣ, даже и по случаю извѣстной исторіи о пропускѣ къ изданію сочиненія г-на Станевича“. Затѣмъ о томъ же и тотъ же профессоръ говоритъ слѣдующими латинскими изреченіями (сейчасъ виденъ классикъ, по образованію который въ трудныхъ случаяхъ всегда ищетъ выхода въ классической мудрости). Nihil est toto quod perstet in orbe, cuncta fluunt: gaudia post luctus, post gaudia luctus; semper in ambiguo speve motuque sumus (очевидно, слова эти относятся къ судьбѣ Иннокентія). И потому: Vir sapiens, qui se ad casus accommodat omnes. (Безспорно—это краткая характеристика нашего Филарета). Но и то сказать: Sat habet fautorum semper, qui recte facit. Значеніе этого изреченія объясняетъ самъ покойный ученый говоря: „это въ одинаковой степени можно отнести и къ Иннокентію и Филарету“ [2]). Другими словами: съ точки зрѣнія историка нравственно безупречными остаются и мудрый Филаретъ и прямолинейный Иннокентій. Въ нашихъ глазахъ имѣетъ не маловажное значеніе отрицательное сужденіе прот. Виноградова, ученика Иннокентіева. Говоря о смерти своего ректора, т. е.

---

[1]) *Христ. Чт.*, 1885, т. II, 170 (извѣстіе извлечено о. Жмакинымъ изъ рукописи).

[2]) Бодянскаго. Предисл. къ письмамъ, стр. II и XII. О. Жмакинъ пишетъ о почтенномъ профессорѣ: „компетентный Бодянскій колеблется признать Филарета врагомъ Иннокентія, но и не высказывается въ пользу перваго“, при чемъ цитируетъ стр. I—III предисловія. Но изъ трехъ этихъ страницъ Бодянскій касается вопроса только на одной (II) и прямо высказывается въ пользу Филарета. Смѣемъ сказать, что почтенный протоіерей возводитъ напраслину на профессора московскаго университета.

Иннокентія, вину въ ней онъ ставитъ „въ укоризну мірской кривды“, т. е. въ укоризну свѣтской власти. Трудно представить, чтобы такой преданный ученикъ Иннокентія не сказалъ бы, кто былъ виновникомъ „пресѣченія златыхъ дней его“ изъ числа представителей высшаго духовенства, если бы такой виновникъ былъ налицо.

По нашему глубокому убѣжденію Филаретъ и Иннокентій были друзья и всегда оставались таковыми. Оба они были москвичи, оба учились и учительствовали одновременно въ Троицкой семинаріи, были они почти однолѣтки, оба они волей судьбы попали на чужбину, въ суровый Петербургъ, оба они быстро, что называется, пошли въ гору, оба они, конечно, были объектомъ зависти и недоброжелательства со стороны окружающихъ, а это заставляло ихъ, такъ сказать, ближе жаться другъ къ другу, дѣлить имъ между собою было нечего: оба они были довольны судьбою. Когда стряслась бѣда надъ однимъ изъ нихъ, этотъ конечно закручинился, можетъ быть думалъ, что другой мало похлопоталъ за него предъ сильными земли, горизонтъ дружбы нѣсколько омрачился. Но Иннокентій не ропталъ на своего друга, по крайней мѣрѣ ни изъ чего не видно этого; а Филаретъ не имѣлъ основаній измѣнять своей многолѣтней дружбѣ.

Все это достаточно открывается изъ писемъ Филарета и Иннокентія, относящихся къ періоду ихъ Петербургской жизни и писанныхъ къ графу Потемкину. Въ одномъ письмѣ 1815 года Филаретъ отвѣчаетъ на приглашеніе Потемкина посѣтить его. Онъ говоритъ, что поѣдетъ въ гости къ графу только тогда, когда возвратится изъ поѣздки Иннокентій, потому что онъ не хочетъ ѣхать къ Потемкину безъ этого послѣдняго. Филаретъ писалъ: „я уже въ вашихъ повелѣніяхъ; вы можете назначить мнѣ и день и часъ. Только буде можно, не угодно-ли дождаться о. Иннокентія. Вотъ главный камень претыканія“ шутливо замѣчаетъ нашъ святитель. Въ декабрѣ 1815-го же года Филаретъ захворалъ и доступъ къ больному открытъ одному человѣку, очевидно, другу—именно Иннокентію. Въ 1817 году Иннокентій пришелъ въ кельи Филарета съ письмомъ къ Потемкину, которое очевидно долженъ былъ хозяинъ отправить по назначенію; но Филаретъ совершенно по товарищески прояв-

ляетъ въ шутку ревность къ своему другу и не хочетъ позволить ему писать одному къ графу, а быстро набрасываетъ и свое письмо къ тому же лицу. Всѣ подобныя милыя пустячки находимъ въ письмахъ Филарета, тогда уже викарія Петербургскаго. Такъ относиться одинъ къ другому могутъ только закадычные друзья [1]). Въ 1817 году на долю Филарета, какъ ректора академіи, выпалъ жребій произвести ревизію въ Петербургской семинаріи, въ которой ректоромъ былъ другъ его—Иннокентій. Первому, естественно, надлежало сдѣлать отзывъ и объ этомъ послѣднемъ. Онъ и сдѣлалъ, но отзывъ написанъ не какъ нибудь формально, а такъ, какъ могъ истинный другъ отозваться о своемъ другѣ. Здѣсь нѣтъ банальныхъ похвалъ, здѣсь нѣтъ старанія превознести друга. Вмѣсто всякихъ банальностей, мы видимъ здѣсь благороднѣйшее изліяніе благороднѣйшихъ чувствъ. Филаретъ писалъ: „изъ лицъ начальствующихъ и учащихъ въ семинаріи, первое и совершенное одобреніе,—я токмо изъ покорности, возложенной на меня, обязанности свидѣтельствую о томъ, что *вѣрнѣе и выше* моего свидѣтельства,—принадлежитъ о. ректору Иннокентію“ [2]). Онъ отказывается выразить свой судъ объ Иннокентіи, находя что его заслуги „выше и вѣрнѣе“ всякихъ ревизорскихъ отзывовъ. Я увѣренъ, что этотъ отзывъ есть unicum въ жизни Филарета. Думаю, что для другого человѣка, кто бы онъ ни былъ, у Филарета не нашлось бы такихъ именно словъ, какія онъ прочелъ въ своемъ сердцѣ и передалъ въ деликатнѣйшей формѣ слуху своего друга.

Мы рѣшительно не представляемъ возможности, чтобы у Филарета появилось чувство соперничества къ Иннокентію. Вѣдь, судя безпристрастно Филаретъ былъ на цѣлую голову выше Иннокентія въ талантахъ—и преуспѣвалъ во всемъ гораздо больше его. Съ своей стороны Иннокентій никогда не становился, да и не могъ становиться поперекъ дороги Филарету. Гдѣ же источникъ для соперничества? Филаретъ совершенно и никакъ не повиненъ въ крови праведника сего.

Поэтому нужно признать вполнѣ неосновательнымъ суж-

---

[1]) Письма Филар. и Иннок. Loc. cit., стр. 53. 54. 558.

[2]) Собраніе мнѣній и пр. митрополита Филарета, I, стр. 352.

деніе прот. Жмакина: „вопросъ объ участіи Филарета въ гоненіи на Иннокентія при отсутствіи *прямыхъ фактическихъ данныхъ* (курсивъ не нашъ) и по настоящее время (?) остается открытымъ“ [1]). Доведемъ до свѣдѣнія, чуждаго юридическихъ понятій, Петербургскаго протоіерея, что „безъ прямыхъ фактическихъ данныхъ“ не выноситъ суроваго вердикта обвиняемому лицу ни судъ присяжныхъ, ни даже военно-полевой судъ. Да и прокуроръ, при такихъ обстоятельствахъ, не возьметъ грѣха на душу—откажется отъ обвиненія. Или ужъ не думаетъ ли авторъ, что если не теперь, то завтра откроются новыя данныя, направляющіяся противъ Филарета? Нѣтъ, этого быть не можетъ по истеченіи 90 лѣтъ послѣ печальнаго событія. Да и зоилы Филаретовскіе—Фотіи, княгини Мещерскія, Гиляровы-Платоновы, Соловьевы, конечно не оставляли попеченій объ открытіи данныхъ не въ пользу Филарета. О. Жмакинъ говоритъ: „вопросъ остается открытымъ“. Нѣтъ, всѣ толки объ участіи Филарета въ изгнаніи Иннокентія изъ столицы должны быть покончены однажды навсегда—и это было бы большою честію для церковно-исторической науки, стоящей на сторожѣ неумытной истины [2]).

---

[1]) *Христ. Чт.*, 1885, т. II, 171.

[2]) Митр. Филаретъ былъ всегда и во всемъ великъ. Это аксіома: ранѣе я не занимался Филаретомъ и не понималъ его; но когда прочелъ его многочисленныя письма къ Антонію (4 тома), Иннокентію (не-Пензенскому), Филарету, Алексію, Муравьеву, роднымъ его и др.—я полюбилъ его всею душою и считаю его гуманнѣйшимъ человѣкомъ, но скрывавшимъ свою гуманность подъ маскою оффиціальности. По моему глубокому убѣжденію, по крайней мѣрѣ намъ русскимъ богословамъ нужно помнить правило древнихъ римлянъ: „жены цезаря да не коснется подозрѣніе“. (Плодомъ моихъ *домашнихъ* занятій Филаретомъ была публичная рѣчь, произнесенная въ Моск. Епархіальномъ домѣ 1 декабря—именины Ф—та—1904 года и напечатанная въ Душеп. Чт. за 1905 г. Она издана дважды, сначала мною въ видѣ оттисковъ, а потомъ вошла въ серію т. н. „Троицкихъ Цвѣтковъ“ (№ 49), издаваемыхъ нашею лаврою (1906 г.). Великій грѣхъ лежитъ на образованномъ духовенствѣ (да и на Синодѣ), что до сихъ поръ мы не имѣемъ біографіи Филарета (даже „холстомѣръ“ графа Толстого и тотъ имѣетъ свою біографію!) По моему мнѣнію, неотложно нужно создать въ Москвѣ „Филаретовское общество“, какъ существуетъ въ Англіи Шекспировское общество, а у насъ Пироговское. Матеріаловъ для изученія хватитъ на сто лѣтъ. Сравните „воспоминанія“ Пирогова хотя бы съ „собраніемъ мнѣній и отзывовъ Филарета“ и вы поймете: кто изъ нихъ двоихъ „больше“.

Иннокентій скончался 35 лѣтъ отъ роду. Но жалѣть ли въ самомъ дѣлѣ о томъ, что онъ умеръ такъ рано, не доживя вѣка? Въ школѣ, гдѣ учился Иннокентій, церковную исторію едва знали по имени. Безъ всякой подготовки онъ назначается однако же профессоромъ церковной исторіи въ академіи и въ три-четыре года составляетъ обширный учебникъ, сослужившій 50-ти лѣтнюю службу въ нашихъ школахъ. Кто упрекнетъ Иннокентія въ томъ, что онъ сдѣлалъ не столько, сколько бы намъ хотѣлось? Напротивъ, не слѣдуетъ ли удивляться его неимовѣрному трудолюбію и его историческимъ научнымъ познаніямъ. Нужно притомъ помнить, что въ положеніи автора не было условій, благопріятствующихъ полному успѣху дѣла: онъ написалъ свою исторію не потому, что чувствовалъ себя вполнѣ обладающимъ нужными для этого знаніями, а потому, что этого требовало начальство. „Начало сего труда—говоритъ авторъ въ предисловіи—есть единственно воля и расположеніе начальства“. Этимъ сказано многое, если не все. Начальство можетъ заставить начертать книгу, но оно не можетъ какъ бы по дѣйствію волшебнаго жезла вдругъ создать науку. Наука постепеннымъ, медленнымъ путемъ приходитъ къ своему самосознанію, искусственно насадить ее нельзя. И самъ Иннокентій скромно сознавалъ, что написанное имъ далеко отъ идеала истинной науки. Въ томъ же предисловіи онъ говоритъ: „сіе начертаніе писано для исторической каѳедры въ духовномъ училищѣ (т. е. для Академіи и семинаріи), и потому не можетъ удовлетворять любопытству, ищущему открытія историческихъ тайнъ или подробностей о церковныхъ происшествіяхъ въ собственной ихъ полнотѣ“. Отсюда видно, что авторъ *„Начертанія“* хорошо сознавалъ, какъ далекъ былъ трудъ отъ требованій серьезной науки, къ какой стремится „ищущій открытія историческихъ тайнъ“.

При всемъ томъ было бы явною несправедливостію смотрѣть на трудъ Иннокентія какъ на произведеніе, достойное забвенія потомства. Неоспоримо, для настоящаго времени оно слишкомъ устарѣло. Но для своего времени оно было настолько хорошо, что больше того едва ли и въ правѣ было бы требовать отъ автора. Въ самомъ дѣлѣ, за отсутствіемъ церковно-исторической науки у насъ на Руси, Иннокентій долженъ былъ обратиться за пособіями къ болѣе бо-

гатому въ этомъ отношеніи западу. Авторъ и обращается. Но была ли въ это время на самомъ западѣ наука столь серьезна и глубока, какъ можно было ожидать того? Далеко нѣтъ. Авторъ писалъ въ началѣ XIX-го столѣтія, а въ это время: что особеннаго представляла западная церковно-историческая литература? Многое ли изъ нея съ пользою можно было бы пересадить на русскую почву? Припомнимъ, что въ это время еще не было на свѣтѣ тѣхъ талантливыхъ церковно-историческихъ трудовъ, какими обогатилось западное богословіе позднѣе: не было ни исторіи Августа Неандера, ни исторіи Гизелера, ни другихъ. Въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX на западѣ царили церковные историки раціоналисты, холодно и даже пренебрежительно относившіеся къ христіанству, но они не столько создавали науку, сколько искажали ее. Могъ ли авторъ съ удобствомъ пользоваться подобными произведеніями? Конечно, нѣтъ. А за исключеніемъ нихъ, подъ руками автора могъ быть съ пользой развѣ Мосгеймъ, нѣмецкій церковный историкъ XVIII вѣка. Но о Мосгеймѣ смѣло можно сказать, что онъ немногимъ лучше Иннокентія. Иннокентій пользовался Мосгеймомъ, а *преимущественно* даже предъ Мосгеймомъ двумя протестантскими историками: *Шпангеймомъ*, жившимъ въ концѣ XVII вѣка и *Вейсманомъ*—въ началѣ XVIII в. [1]), но, не го-

---

[1]) Зависимость Иннокентія отъ Шпангейма и Вейсмана была отмѣчена мною и раньше („Церковная исторіографія“ и т. д. стр. 530—531. Спб. 1903), зависимость же его отъ этого послѣдняго историка была доказана даже на примѣрахъ (ibid., 300—302). Къ сожалѣнію, очень долго держался въ нашей наукѣ неправильный взглядъ на вопросъ о зависимости Иннокентія отъ западныхъ историковъ. Проф. Чистовичъ безъ всякихъ основаній, вѣроятнѣе всего путемъ умозаключеній, утверждалъ, что сочиненіе нашего автора составлено на основаніи Магдебургскихъ центурій и Бароніевыхъ анналъ (Исторія Петерб. дух. Акад., стр. 239. Птб. 1857). Это лживое сообщеніе начали повторять другіе писатели: Д. Троицкій (Иннокентій, стр. 11), даже аккуратный историкъ Доброклонскій (Руководство, вып. IV, 256); ко мнѣнію Чистовича, безъ оговорокъ присоединяется прот. Жмакинъ („Хр. Чт.“ 1884, I, 421. Ни одинъ изъ этихъ авторовъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго извиненія, ибо моя поправка мнѣнія Чистовича сдѣлана еще въ 1889 году (см. мою книгу. Очерки развитія протестантской церковно-истор. науки, стр. 58—60. М. 1881. А ранѣе въ моихъ статьяхъ: *Прибавл. къ твор. св. отцевъ* за 1880 г.): Но къ счастію, въ послѣднее время свѣтъ началъ пробиваться сквозь мракъ. Въ „правосл. богосл. энциклопедіи“ т. V, въ статьѣ объ Инно-

воря о слишкомъ устарѣломъ Шпангеймѣ, даже и съ Вейсманомъ, который особенно полюбился Иннокентію, далеко уйти было невозможно. Для этого нужно быть не только первостепеннымъ талантомъ, но даже геніемъ. А нашъ Иннокентій былъ просто послушнымъ орудіемъ воли начальства [1]).—И однакожъ при всѣхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, Иннокентій сколько возможно съумѣлъ стать выше рутины: въ его исторіи можно находить проблески серьезной исторической критики. Его, напр., неприкровенныя указанія на тѣ возраженія, какія дѣлаются серьезными критиками противъ легендарнаго разсказа о христіанскомъ громоносномъ легіонѣ при императорѣ Маркѣ Авреліи, его открытыя заявленія о догматическихъ заблужденіяхъ св. Іустина философа, зависящихъ у этого отъ слишкомъ большаго увлеченія философіей,—его мнѣніе, что у Ѳеофила епископа Антіохійскаго (II вѣка) встрѣчаются мысли и идеи аріанскія,—его указанія на догматическія ошибки у Иринея

кентіи изложенъ мой взглядъ на Иннокентія, а не Чистовича (т. V, ст. 954. Спб. 1904). На бѣду автора данной статьи, онъ не могъ воспользоваться отъ меня біографическими свѣдѣніями объ Иннокентіи (за ихъ отсутствіемъ), а потому наговорилъ много достойнаго плача (для энциклопедіи); онъ говоритъ, что Инн. первоначально былъ назначенъ архіереемъ въ Уфу (?), что назначеніе это произошло въ 1816 г. (?), значитъ его управленіе епархіею продолжалось три съ половиною года (!!); утверждаетъ, что его посвященіе во епископы происходило 22 февраля. Все это ошибки. Кромѣ того, онъ говоритъ что „Начертаніе“ Иннокентія выдержало шесть изданій, но почему же у меня подъ руками седьмое изданіе 1849 года? (ibid. 953). Впрочемъ нужно помнить: то было *Лопухинское* изданіе энциклопедіи, теперь же подъ руководствомъ новой редакціи этой же энциклопедіи ничего такого, надѣемся, въ будущемъ не встрѣтится—въ этомъ словарѣ.—Имѣя обыкновеніе давать себѣ отчетъ не только по части достоинствъ, но и недостатковъ тѣхъ произведеній, которыми намъ приходится руководствоваться, мы приняли на себя трудъ открыть источникъ перечисленныхъ ошибокъ даннаго автора статьи въ энциклопедіи, т. е. мы хотѣли узнать, кто вводилъ въ заблужденіе его, дабы снять съ него отвѣтственность за непозволительныя ошибки; но пересмотрѣвъ всю литературу объ Иннокентіи, ничего подобнаго въ ней не нашли. Остается думать, что довѣрчивый авторъ писалъ свою статью со словъ „какого-то дворянина, а можетъ быть и князя“, о которыхъ баснословилъ дѣдушка Крыловъ.

[1]) Мнѣ кажется, что въ сочиненіи Иннокентія есть капля и Филаретовскаго меду. Въ одномъ изъ писемъ Филарета къ отцу, относимомъ къ 1815 г., говорится: „Суетамъ конца нѣтъ. Къ библейской корректурѣ

Ліотскаго [1])—все это показываетъ, что Иннокентій хотѣлъ судить о фактахъ исторіи безпристрастно, нелицепріятно, что онъ мало долюбливалъ риторическую фигуру умолчанія, столь любимую позднѣйшими богословами. Иннокентій вообще допускалъ, что показанія и мнѣнія всѣхъ историческихъ свидѣтелей, не исключая Св. Отцевъ, могутъ быть погрѣшительны, какъ погрѣшительны бываютъ свидѣтельство и мнѣнія каждаго человѣка [2]). Въ этомъ случаѣ онъ далеко оставляетъ за собой послѣдующее время, которое не знало свободныхъ отношеній къ церковнымъ авторитетамъ.— Взгляды Иннокентія на источники, изъ которыхъ черпаются свѣдѣнія для исторіи ересей, и нынѣ могутъ быть внесены въ церковную исторію съ самыми современными пріемами. Онъ прямо заявляетъ въ данномъ случаѣ, „что греческіе и латинскіе писатели въ своихъ сужденіяхъ о ересяхъ поставляли молвы и догадки на мѣсто вѣрныхъ свѣдѣній, что ненависть къ разномыслящимъ мѣшала въ древней церкви безпристрастному изслѣдованію". Безобиднѣйшее сужденіе о еретикахъ, говоритъ онъ, есть то, которое дѣлается подъ условіемъ довѣренности къ древнѣйшимъ *и лучшимъ* о нихъ преда-

---

(рѣчь идетъ о его Библейской исторіи), мною держимой, присоединилась корректура Церковной исторіи (конечно, Иннокентія), которую, какова ни есть, я (обратите вниманіе: я) долженъ былъ представить въ печать" (Письма къ роднымъ, № 178. М. 1882). Трудно допускать, чтобы Филаретъ, говоря о томъ, что *онъ* представилъ сочиненіе къ печати, разумѣлъ простую передачу его изъ однихъ рукъ въ другія: нужно думать, что онъ редактировалъ сочиненіе. На это уполномочиваетъ и выраженіе: „присоединилась корректура"... Здѣсь нельзя разумѣть механической типографской корректуры, ибо таковую могъ держать самъ Иннокентій, служившій въ это время въ Петербургѣ же.—Кромѣ того, Филаретъ считалъ нужнымъ разсматривать исторію по столѣтіямъ, тоже дѣлаетъ и Иннокентій. Предметы, о которыхъ должно трактовать при изученіи того или другого столѣтія, указаны были Филаретомъ еще въ 1810 г. тѣже самые, какіе видимъ и у Иннокентія и порядокъ ихъ разсмотрѣнія тотъ же. (Сличи конспектъ церк. исторіи, составленный Ф—омъ для Петербургской академіи: *Собраніе мнѣній и отзывовъ* Филарета, т. I, стр. 27—28—съ церк. исторіей Иннокентія, отдѣленіе (или томъ) I). Да и слогъ „Начертанія" болѣе походитъ на Филаретовскій, чѣмъ Иннокентіевскій: послѣдній очень живъ и не выдержанъ, близокъ къ разговорному.

[1]) Начертаніе церковной исторіи, стр. 6. 16. 18. 19. М. 1849. Издан. седьмое.

[2]) Тамъ же. Предувѣдомленіе § IV.

ніямъ“ [1]).—Заслуживаетъ вниманія также мнѣніе Иннокентія о происхожденіи формъ христіанскаго богослуженія. Иннокентій не прочь допустить, что богослужебныя формы христіанства развивались подъ вліяніемъ древнихъ іудейскихъ, а пожалуй и языческихъ формъ культа [2]), имѣвшихъ мѣсто до Р. Христова [3]). Такое мнѣніе какъ-то неожиданно встрѣчать у Иннокентія, когда такое мнѣніе привыкли считать протестантскимъ вольномысліемъ. — Вообще намъ кажется, что если бы церковная исторія, послѣ временъ Иннокентія, стала обрабатываться на нашей почвѣ сообразно тѣмъ пріемамъ, какіе указаны у Иннокентія, очень можетъ быть, что она во многомъ получила бы иной видъ и характеръ, чѣмъ какой она имѣетъ теперь [4]).

Нельзя конечно сказать, чтобы пріемы Иннокентія всегда были научны. Его стремленіе находить глубокую древность для учрежденій позднѣйшихъ, ознаменовывается часто натяжками и невѣрностями; его не совсѣмъ церемонное пользованіе такими источниками, какъ разсказъ объ Алексіѣ Божіемъ человѣкѣ, превращаетъ подчасъ его исторію въ четьи-минеи.

Что касается внѣшняго построенія, то съ этой стороны *Начертаніе* Иннокентіево ниже критики. Его разсматриваніе исторіи по вѣкамъ, при чемъ каждый вѣкъ какъ цѣлое обозрѣвается отдѣльно, его дробное и не систематическое расположеніе матеріала, его слишкомъ сухое и мертвенное изложеніе предметовъ, его пышныя и фразистыя заглавія вѣковъ и періодовъ (напр. авторъ пишетъ: „вѣкъ вторый, гностическій, колеблющійся между свѣтомъ Откровенія и разумомъ, но еще пылающій пламенемъ апостольскимъ“), все это для нашего времени, нужно признаться, или очень странно или непріятно.

---

[1]) Тамъ же, стр. 51.

[2]) См. въ концѣ статьи: *Приложеніе* Б.

[3]) Тамъ же, стр. 26.

[4]) Съ какою грустію мы прочли отзывъ о книгѣ Иннокентія въ „Сборникѣ отзывовъ Учебнаго Комитета при Синодѣ“, отзывъ ребяческій, воображающій, что главное дѣло въ учебникѣ доступность изложенія и правильная транскрипція именъ собственныхъ (стр. 289—290. Спб. 1877). Научный прогрессъ по части церковной исторіи въ семинаріяхъ начнется тогда, когда Учебн. Ком. перестанетъ вмѣшиваться въ преподаваніе семинарскихъ наукъ (Слич. *приложеніе* А.).

Свое полное значеніе „Начертаніе“ Иннокентіево имѣетъ въ томъ отношеніи, что это доселѣ *единственное* у насъ серьезное сочиненіе [1]), описывающее почти всю исторію церкви (оно доведено до XVIII вѣка). Какъ учебникъ, оно замѣчательно тѣмъ, что это учебникъ какихъ не пишутъ уже въ наше время, потому, что не умѣютъ писать такъ: со всѣмъ научнымъ аппаратомъ, со ссылками на источники, на пособія, съ замѣчаніями о нихъ критическими и вообще научными. Въ послѣднемъ отношеніи книга Иннокентія походитъ на учебники по церковной исторіи, какіе существуютъ на западѣ, въ тамошнихъ университетахъ.

Какъ все на свѣтѣ церковная исторія Иннокентія встрѣчала и похвальные и непохвальные отзывы. Начнемъ съ послѣднихъ, но ограничимся отзывами только современниковъ появленія книги. Къ зоиламъ, относившимся несочувственно къ этой послѣдней, принадлежитъ митр. Евгеній Болховитиновъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ произведеніи. „Иннокентій не на ученую руку, а только считался между учеными, по милости покровителей. Самая исторія его тому доказательствомъ. Церковная исторія его (собственно рѣчь у рецензента идетъ о второмъ отдѣленіи— части ея) прежалкая и превздорная во многихъ отношеніяхъ“ [2]). Оцѣнивая этотъ отзывъ нужно брать во вниманіе два обстоятельства: во первыхъ, онъ писанъ при жизни Иннокентія и вѣроятно, смерть историка смягчила бы тонъ отзыва. Во вторыхъ, въ тѣхъ письмахъ Евгенія, которыми мы пользуемся, ясно чувствуется недоброжелательное отношеніе и зависть со стороны ученаго Евгенія какъ по отношенію къ Иннокентію, такъ и еще болѣе къ Филарету. Иначе, чѣмъ Евгеній, относился къ труду Иннокентія Филаретъ Дроздовъ, т. е. митрополитъ московскій. Онъ называетъ эту „классическую (т. е. учебную книгу) не одновременнымъ, но *прочнымъ* даромъ духовному просвѣщенію“ [3]). Этотъ отзывъ

[1]) Нужно помнить, что книга Иннокентія появилась назадъ тому 90 лѣтъ (1817—1907 г.). И каковъ позоръ! Такъ мы и до сего дня не опередили чахотснаго церковнаго историка десятыхъ годовъ прошлаго вѣка!

[2]) Митроп. Евгенія письма. *Русс. Арх.*, 1889, іюнь, стр. 171. 186.

[3]) Собраніе мнѣній и т. д. I. стр. 352. Есть отзывъ Stäudlinâ объ Иннокентіи, но онъ замѣчателенъ только тѣмъ, что нѣмецъ обратилъ вниманіе на русскую церковную исторію Иннокентія (Geschichte und Literatur der Kirchengeschichte Hannov. 1827, S. 230).

сдѣланъ въ сентябрѣ 1817 года [1]). Впослѣдствіи, если открываемы были недочеты въ исторіи Иннокентія, митрополитъ Филаретъ, сколько могъ, выступалъ на его защиту, указывая на смягчающія вину обстоятельства. Онъ разъяснялъ, что Иннокентій „учился самоучкою“, что ему „предшественники глаза закрывали“ (т. е., что наука въ началѣ XIX вѣка еще далека была отъ совершенства), что книга писана „во времена меньшей взыскательности за строгую точность“ [2]).

Первое изданіе Иннокентіевой церковной исторіи быстро разошлось, такъ что скоро потребовалось новое. Трудолюбивый авторъ, находясь уже въ Пензѣ и съ смертію за плечами, по порученію высшаго духовнаго начальства, взялся было за приготовленіе новаго изданія своей книги, но неумолимая смерть пресѣкла его работу [3]). „Начертаніе“ послѣ того много разъ пересматривалось и перерабатывалось начиная съ 1820 г. [4]).

Въ заключеніе нашихъ очерковъ о двухъ піонерахъ церковно-исторической науки у насъ, въ русской церкви—Меѳодіи Смирновѣ и Иннокентіи Смирновѣ же отмѣтимъ то обстоятельство, что первыми церковными историками по разработкѣ всеобщей церк. исторіи были москвичи. Они были первыми строителями церковно-исторической научной магистрали (припомнимъ, что и первая вѣтка этой магистрали—русская церковная исторія—создана тоже москвичемъ, митрополитомъ Платономъ въ 1805 г.). Честь имъ и слава. Ихъ смѣнилъ рядъ очень почтенныхъ церковныхъ

---

[1]) Выраженіе Филарета о сочиненіи Иннокентія: „даръ неодновременный“ возбуждаетъ недоумѣніе. Почему онъ называетъ его произведеніемъ неодновременнымъ, когда оба тома (отдѣленія) появились, какъ значится на нихъ, въ 1817 году? Разрѣшенію этого недоумѣнія помогаетъ письмо Филарета къ гр. Потемкину, отъ 20 октября того же года. Здѣсь корреспондентъ пишетъ: въ знакъ памяти „пріимите при семъ отъ о. Иннокентія первое отдѣленіе церковной исторіи, имъ издаваемой. Теперь онъ продолжаетъ и скоро окончитъ изданіе остальной части“ (Письма Филарета и Иннок., loc. cit., стр. 60). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что второй томъ дѣйствительно появился въ 1817 же году, но въ самомъ концѣ его.

[2]) С. К. Смирнова. Исторія Моск. дух. академіи, 225—226.

[3]) Прот. Жмакина въ *Христ. Чт.*, 1884, т. I, 424.

[4]) Филарета архіеп. Черниговскаго. Обзоръ русск. дух. литературы, т. II, стр. 145.

историковъ въ Моск. дух. академіи, разумѣемъ Филарета Черниговскаго, ректора А. В. Горскаго, академика Е. Е. Голубинскаго, къ нимъ не безъ права можно причислять Н. И. Субботина. Въ 1890 году берлинскій церк. историкъ Гарнакъ указалъ на существованіе цѣлой церковно-исторической школы при той же академіи, школы посвящающей свои труды изученію церковной древности [1]). Такъ ли будетъ потомъ—трудно сказать. Появляются симптомы, наводящіе на невеселыя мысли. Хорошо будетъ, если мы ошибемся. Что можетъ быть страшнѣе словъ: *Μανή, θεκέλ, φάρες?*

---

[1]) Theologische Literaturzeitung, 1890, S. 502.

Приложеніе: А.

Интересно точнѣе указать на тѣ награды, которыя получалъ Иннокентій за свои ученые труды. Въ 1814 г., слѣдовательно въ 30-лѣтнемъ возрастѣ „во уваженіе его ученыхъ трудовъ и заслугъ“ онъ былъ возведенъ въ степень доктора богословія (рѣдкое въ то время отличіе, имѣвшее значеніе награды) и въ тоже время пожалованъ драгоцѣннымъ наперстнымъ крестомъ и орденомъ Анны 2-ой степени „съ алмазными знаками“ (невѣдомый мнѣ орденъ). А въ 1818 году, значитъ тотчасъ по изданіи имъ „Начертанія“, Иннокентій награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени, значитъ звѣздой [1]), будучи еще въ санѣ архимандрита. (Нужно знать, что этого ордена въ наше время по годамъ ждутъ даже лица, занимающія постъ митрополичій). Я почти увѣренъ, что эта высокая награда дана Иннокентію по связи съ его церковно-историческимъ трудомъ—„Начертаніемъ“, подобно тому, какъ Меѳодій за написаніе Liber historicus, будучи въ санѣ архіепископа, послѣдовательно удостоенъ и ордена Александра Невскаго и брилліантовыхъ знаковъ на клобукъ. Кромѣ того, Иннокентій получалъ за свои ученые труды значительное денежное вознагражденіе. Для полноты картины, изъ которой видно было бы, какъ поощрялась богословская наука въ то время, укажемъ на множество необычныхъ наградъ, полученныхъ Филаретомъ Дроздовымъ въ молодые его года. Въ 1813 году „за неусыпные труды по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской академіи архим. Филаретъ сопричисленъ къ ордену Владиміра 2-ой степени“ (не имѣя раньше никакихъ орденовъ). Говорю: въ 1813 г., слѣдовательно, когда Филарету было 30 лѣтъ отъ роду. Въ 1814 г., одновременно съ Иннокентіемъ,

---

[1]) Прот. Жмакинъ. Иннок. еписк. пензенскій. *Хр. Чт.*, 1884, ч. I 431.

онъ возведенъ въ степень доктора богословія. Въ томъ же году, (значитъ въ возрастѣ 31 года) „за отличные труды и способность къ образованію юношества“ награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ по 1500 р. въ годъ. Въ 1816 г., т. е. въ годъ изданія Филаретомъ его „Начертанія церковно-библейской исторіи“ отъ государя пожалованъ панагіею (въ санѣ архимандрита) и „высочайшимъ рескриптомъ выражена ему совершенная признательность за труды по академіи“ [1]). Такъ награждали богослововъ и главнымъ образомъ церковныхъ историковъ въ началѣ XIX вѣка. Иначе пошло дѣло въ Николаевскія времена и позднѣе. Усердные историки, вмѣсто наградъ, стали получать скорѣе всего такъ назыв. нахлобучки, и встрѣчали холодное равнодушіе властей. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ награждались: Филаретъ Гомилевскій, А. В. Горскій, Голубинскій, Терновскій, Знаменскій, И. Е. Троицкій и даже Болотовъ? Да кромѣ обычныхъ наградъ, собственно ничѣмъ. Да и обычныя то награды не всѣмъ имъ доставались на долю. Что же касается нахлобучекъ, то имъ и счету нѣтъ. Ф. А. Терновскій за свои церковно-историческія сочиненія изгнанъ былъ изъ числа профессоровъ кіевской дух. академіи (и вскорѣ отъ горя умеръ). А. Лебедева, нижеподписавшагося, едва-едва удостоили степени доктора за представленную и публично защищенную диссертацію въ Московской духовной академіи и долго косились на него, считая его вреднымъ человѣкомъ и чуть не еретикомъ (какъ докажемъ это чрезъ нѣсколько строкъ). Тогда какъ наприм. профессора Субботина, удостоеннаго той же степени нѣсколько раньше А. Лебедева, Синодъ утвердилъ безъ малѣйшихъ придирокъ [2]), съ послѣднимъ произошла заминка. Его утвердили не сразу. Отъ ректора академіи потребовали совѣтскаго отзыва о диссертаціи, чего раньше не дѣлалось. Диссертація отдана была не для формальнаго только заключенія учебному комитету, но на разсмотрѣніе, при чемъ это разсмотрѣніе поручено было исправляющему должность предсѣдателя этого комитета прот. Толмачеву (за болѣзнію о. Васильева онъ исправлялъ его должность). На

---

[1]) Свѣдѣнія о Филаретѣ взяты изъ его послужнаго списка (Сушкова. Записки о жизни Филарета. Прилож., стр. 42. М. 1868 г.

[2]) Журналы Совѣта моск. д. академіи, 1874 г., стр. 112.

мое счастіе Толмачевъ составилъ лестный отзывъ о моей книгѣ [1]), и дѣло двинулось впередъ. (Да и оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой едвали допустилъ бы противное: онъ шелъ противъ регрессивныхъ замашекъ духовныхъ властей). Неблаговоленіе къ нашей диссертаціи выразилось съ формальной стороны въ томъ, что мое утвержденіе синодомъ изложено было въ какомъ-то необычайномъ видѣ, удивившемъ тогда членовъ академ. совѣта. Въ силу оффиціальной синодской бумаги выходило, что какъ будто Синодъ знать-не знаетъ, что за диссертація Лебедева, и что онъ разсматривалъ лишь дѣлопроизводство по части этой послѣдней; онъ на всякій случай сталъ въ этомъ дѣлѣ въ сторонкѣ. Указъ Синода по данному поводу читался такъ: „находя образъ дѣйствій Совѣта (только образъ дѣйствій!) относительно присужденія степени доктора правильнымъ, Синодъ согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета опредѣляетъ утвердить Лебедева въ предназначенной ему Совѣтомъ степени (Журналы Совѣта, 1879 г., стр. 174. Ср. журналы же за 1874 г., по дѣлу Субботина). Кстати и очень кстати припоминаю, что одинъ изъ предсѣдателей Синода, митрополитъ петербургскій, лично мнѣ сообщалъ, что когда въ Синодѣ заходила рѣчь о вредныхъ по направленію профессорахъ духовныхъ академій, то всегда указывали въ примѣръ меня и г. К. Прямѣе и рѣшительнѣе Синодъ позволилъ себѣ выразить неблаговоленіе за докторскую диссертацію знаменитому историку Е. Е. Голубинскому. (Нужно сказать, что въ это время оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой сошелъ со сцѣны и его мѣсто занялъ К. П. Побѣдоносцевъ, при которомъ Синодъ почувствовалъ себя свободнѣе, въ ущербъ наукѣ). Вотъ какъ Синодъ формулировалъ свое утвержденіе г. Голубинскаго въ ученой степени: „Св. Синодъ слушали журналъ учебнаго комитета [2])... и приказали: экстра-

---

[1]) Онъ напечатанъ въ *Странникѣ*, 1880, январь.

[2]) Чѣмъ былъ въ тѣ времена, а главное позже этотъ самый учебный комитетъ, объ этомъ смотри превосходный „докладъ“, составленный профессоромъ Н. Н. Глубоковскимъ: „Объ учебн. комитетѣ—въ связи съ состояніемъ духовной школы въ исторической перспективѣ“ (Журналы и протоколы предсоборнаго присутствія. Прилож. къ журналу V-го отдѣла, № 29). Этотъ „докладъ“ изображаетъ тотъ умственный развратъ и то измывательство надъ бѣдной богословской наукой, какіе характери-

ординарнаго проф. Голубинскаго утвердить въ предназначенной ему Совѣтомъ степени доктора, поручивъ при томъ вашему преосвященству (т. е. митрополиту) замѣтить Совѣту академіи, что при разсмотрѣніи диссертацій надлежитъ ему обращать вниманіе не только на научное достоинство сочиненія, но и *на соотвѣтствіе общаго направленія съ духомъ ученія* (!) и достоинствомъ православной церкви (!),—что не всегда наблюдается Совѣтомъ, въ должной строгости, какъ видно изъ этого и другихъ одобренныхъ Совѣтомъ сочиненій". (Журналы Совѣта, за 1881 г., стр. 88). Въ послѣднихъ

зовали это подсинодское учрежденіе. Скажу прямо это не „докладъ", а обстоятельнѣйшее повѣствованіе, написанное можно сказать слезами и даже кровію. Въ такихъ работахъ мы нуждаемся особенно въ наше время. Бросимъ же писать лжеисторію и панегирики, которыя заставляли и насъ сочинять, вмѣсто истинной исторіи, до 17 октября. Изъ доклада открывается, что высшей степени распущенности и озорства комитетъ достигъ въ послѣднее десятилѣтіе оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, этого идеальнаго оберъ-прокурора. К. П. Побѣдоносцевъ былъ умнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, о добротѣ его я сужу по собственному опыту: какъ второго Филарета не будетъ въ исторіи русской церкви, такъ другого Побѣдоносцева не будетъ сидѣть на оберъ-прокурорскомъ креслѣ въ Синодѣ. И однакожъ вотъ что видимъ... Отчего же это? Дѣло ясное: К. П. Побѣдоносцевъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за подчиненными, къ чему онъ и призванъ Высочайшею Властію, сидѣлъ и сочинялъ многочисленные „московскіе сборники" и по годамъ, держа въ рукахъ греческій лексиконъ, исправлялъ русскій переводъ Новаго Завѣта. (Этотъ переводъ теперь изданъ и поступилъ въ продажу). Всякая литературная дѣятельность архіереевъ и высокаго административнаго сановника, выходящая за предѣлы ихъ прямыхъ обязанностей, есть—по моему убѣжденію—*кража*, кража того времени, которое они могли употреблять съ большею пользою, въ интересахъ своего служебнаго *долга*. Побѣдоносцевъ, углубленный въ свое литературничанье, отдалъ бразды правленія лицамъ, того не заслуживающимъ. Это—темное пятно въ *исторической* дѣятельности почившаго великаго человѣка, память котораго я, какъ историкъ, глубоко и искренно почитаю.—Но возвратимся къ докладу г-на Глубоковскаго. Если бы этотъ докладъ, заключающій 1—60 столбцовъ петита, напечатать обычнымъ шрифтомъ, и въ принятомъ форматѣ, то онъ въ полтора раза превосходилъ бы магистерскую диссертацію о. Антонія Коржавина, принятую и увѣнчанную доавтономною академіею, напечатанную такъ называемыми евангельскими буквами и притомъ такъ, что каждый періодъ начинается абзацомъ. Значитъ, г. Г—вскій могъ бы получить за этотъ докладъ при его несомнѣнныхъ достоинствахъ, ученую степень, какъ иногда получали ее за семестровое сочиненіе, исправленное и дополненное.

словахъ бросается камень въ мой огородъ, ибо до времени утвержденія Голубинскаго въ степени, кромѣ меня таковой же степени удостоены были въ Московской академіи лишь такіе отчаянные консерваторы, и даже рутинеры, какъ архим. Михаилъ, архим. Сергій, С. К. Смирновъ, Кудрявцевъ, Субботинъ, и подходящій къ нимъ подстать проф. Иванцовъ-Платоновъ, соорудившій незамысловатое сочиненіе, а больше никого. А потому намекъ, заключающійся въ разбираемыхъ словахъ, приходится взять единственно мнѣ на свою долю (и по дѣломъ!).—Полученіе степени доктора профессоромъ П. В. Знаменскимъ хотѣлъ затормозить архіеп. Казанскій Антоній, который въ качествѣ добровольца составилъ quasi—убійственный отзывъ о его диссертаціи, сказавъ, что докторантъ сгребалъ матеріалы „изъ подворотни“. Но такъ какъ оберъ-прокуроромъ былъ въ то время графъ Толстой, то на мнѣніе Антонія не обращено было никакого вниманія. Проф. Каптеревъ не былъ удостоенъ степени за первое, представленное имъ для полученія степени доктора сочиненіе. Проф. Голубевъ тоже (хотя первое сочиненіе найдено было просто не полнымъ, несомнительно вопреки всякой справедливости). Преподаватель Васильевъ не получилъ степени магистра отъ Синода за свое сочиненіе. Перечислимъ дальнѣйшій рядъ церковныхъ историковъ, встрѣтившихъ прещенія въ Синодѣ или получившихъ отъ него замѣчанія. Къ такимъ ошельмованнымъ лицамъ относятся: проф. Н. С. Бердниковъ, осторожнѣйшій писатель, искавшій степени доктора за *историко*-каноническое изслѣдованіе (фактъ этотъ для меня совершенно не понятенъ!), Андреевъ, Спасскій, И. Г. Троицкій и ихъ же самъ Господи вѣси... Магистранты и докторанты, со времени устава 1884 года, чтобы благополучно провести свои диссертаціи, долженствовали быть мудры какъ змѣи и просты, какъ голуби. Диссертація должна была невредженно пройти чрезъ слѣдующія инстанціи: цензуру, искусъ рецензентовъ, контроль Совѣта (къ этому прибавляли диспутъ для магистранта), ходатайство мѣстнаго архіерея (онъ могъ и отказать въ такомъ ходатайствѣ, не изъясняя причинъ, что иногда и случалось), рецензированіе книги, по назначенію Синода, или членомъ Синода или епархіальнымъ архіереемъ, то или другое изъ числа подобныхъ лицъ обыкновенно представляло въ Си-

нодъ письменный отзывъ. Наконецъ сочиненіе разсматривалось въ собраніи Синода. Если Синодъ утвердилъ искателя степени, то это еще не конецъ дѣлу: оберъ-прокуроръ могъ не подписать синодскаго протокола и дѣло считалось затянувшимся или даже провалившимся. Вѣдь, это же прогонъ сквозь строй! Поди, угоди на всѣхъ. Одному выкидывай научныя знанія, другому благочестіе, третьему заяви себя православнымъ, четвертому покажи обстоятельное знакомство съ западной наукою, пятому—съ отцами Церкви, и проч. А сколько отрицательныхъ требованій; не сходись въ чемъ бы то ни было въ воззрѣніяхъ съ протестантами, граф. Толстымъ, не вздумай поблажать раскольникамъ, не слѣдуй Хомякову, Вл. Соловьеву (иногда Лебедеву, Голубинскому, Каптереву) и т. д. Я забылъ сказать, что со стороны Совѣта назначаются для разбора диссертаціи: одинъ спеціалистъ по предмету изслѣдованія, второй рецензентъ—это истинно Божеское наказаніе—есть аргусъ, оцѣнивающій книгу лишь съ точки зрѣнія православія. Если хоть на одной стадіи этого инквизиціоннаго процесса выйдетъ зацѣпка, „пиши—пропало“. Представлю два разительныхъ примѣра. Магистерская диссертація доцента Аквилонова благополучно миновала всѣ рифы и подводные камни. Рецензентъ по назначенію отъ Синода, членъ послѣдняго покойный епископъ Виссаріонъ (Нечаевъ) составилъ благопріятный отзывъ... Казалось, все кончается счастливо, но не тутъ-то было. Съ задняго крыльца забѣгаетъ въ квартиру оберъ-прокурора Побѣдоносцева Н. Субботинъ отъ имени раскольничествующаго архим. Павла, указываетъ на опасныя послѣдствія отъ утвержденія Синодомъ автора книги въ степени и Синодъ проваливаетъ диссертацію. Другой случай. Первая докторская диссертація проф. Каптерева, хоть и не безъ препонъ (препоны были въ самомъ началѣ развитія процесса, но кое-какъ были преодолѣны), все же благополучно прошла длинный тернистый путь, достигла того, что и Синодъ присудилъ автору искомую степень. Но К. П. Побѣдоносцевъ (думаю, не безъ вмѣшательства Субботина, заклятаго Каптеревскаго врага) не подписалъ протокола [1]) и

[1]) И эта музыка повторилась не разъ. Синодъ неоднократно утверждалъ дѣло московскаго профессора, а Побѣдоносцевъ все не подписы-

г. Каптеревъ принужденъ былъ написать новую диссертацію, съ которою начались новыя мытарства, но уже въ иномъ родѣ: въ Синодѣ усмотрѣли въ ней недостатокъ эрудиціи (посудите теперь по человѣчески: каково было положеніе церковнаго историка—напишетъ онъ научную книгу, говорятъ: не православна, а наляжетъ на православіе, глаголютъ: не достаточно учена. Удивительно напоминаетъ сказку: прямо поѣдешь, то-то потеряешь, а вправо или налѣво—случится еще новая бѣда, но я разсказываю не сказку, а быль о живомъ человѣкѣ) и наконецъ-то... онъ сталъ докторомъ, но ужъ не науки, а Богъ знаетъ чего. Не докторомъ ли каприза властей [1])? Долженъ однакожъ сказать, что монахи, искавшіе степеней, достигали ихъ не преткновенно: лиха—бѣда протащить диссертацію сквозь иглины уши совѣтской коллегіи (кстати сказать, значительно терроризованной). Аквилоновъ на добычу магистерскаго диплома

валъ протоколовъ. Въ виду этого, синодъ, наконецъ, уступилъ оберъ-прокурору, тѣмъ болѣе, что выяснилось одно обстоятельство, совершенно случайное, но клонящееся во вредъ разсматриваемой диссертаціи.

[1]) Не будетъ нескромностію сказать, что г. Каптеревъ явилъ себя героемъ, когда добивался при позорномъ уставѣ 1884 года (этомъ, какъ говорятъ, подаркѣ митроп. Сергія Ляпидевскаго) докторства и наконецъ добился. Съ другими профессорами случалось еще худшее. *У нихъ опускались руки.* Да наприм., у кого же это, спроситъ не благосклонный читатель? Да у талантливѣйшаго *Б. В. Болотова*!! При введеніи сказаннаго устава—пустота бъ его побрала какъ выражался мой покойный дѣдъ,—Болотовъ отложилъ попеченіе о написаніи докторскаго сочиненія на намѣченную и вполовину обработанную имъ тему, потому что не хотѣлъ, какъ онъ самъ говорилъ, „лѣзть въ драку съ этимъ уставомъ". Дѣло въ томъ, что покойный Болотовъ открылъ „одно сочиненьеце Несторія", заключавшее „критику на (св.) Кирилла". „Чего добраго, опасался онъ, наши „камни" (эти камни безподобны въ устахъ скромнѣйшаго профессора) возопіютъ: зачѣмъ извлекаютъ на свѣтъ сочиненія еретиковъ? Зачѣмъ занимаются изученіемъ ихъ?" И вотъ ученѣйшая диссертація не увидала свѣта (Скажите: гдѣ что-либо подобное встрѣчается въ мірѣ?). Но за то и достается же этому—съ позволенія сказать—уставу отъ В. В. Онъ называетъ его „охочимъ до древомаслія" (постнаго масла). Или же онъ пишетъ: „Новый уставъ хочетъ научнаго безплодія, новый уставъ *положилъ есть тьму*", онъ называетъ его „горою гелвуйскою". При существовавшихъ тогда порядкахъ, самъ Болотовъ, по его словамъ, могъ бы ожидать для своей диссертаціи „съ обрѣтеніемъ Несторія—вѣрнаго fiasco", „Я не настолько наивенъ, чтобы дразнить быка (и это выраженіе великолѣпно въ устахъ самого тихаго чело-

потратилъ 6 лѣтъ, Каптеревъ—докторскаго 7 лѣтъ, С. Т. Голубевъ—такового же 12 лѣтъ. А монахи добывали ученыя степени, восходящія на утвержденіе Синода, въ общемъ выводѣ—въ 2 мѣсяца; кассацій не бывало. Конечно, въ настоящее время ничего такого нѣтъ и быть не можетъ. Однакожъ, „выпады“ противъ церковныхъ историковъ и въ настоящее время не прекратились. Разумѣю слѣдующій фактъ. Нѣкій архіепископъ, въ докладной запискѣ на имя Синода, пальцемъ указывалъ на профессора-историка, служащаго-де дурнымъ примѣромъ для другихъ, говоря прямѣе: на вашего покорнѣйшаго слугу. На своемъ извѣстномъ тараборскомъ языкѣ Антоній доносилъ Синоду (а нѣсколько раньше онъ возвѣстилъ тоже самое et orbi) вотъ что. Сказавъ о томъ, что въ дух. академіяхъ студенты не имѣютъ охоты слушать лекцій профессоровъ (вѣрно ли это показаніе—судить не могу) далѣе пишетъ: „не имѣя возможности заинтересовать ихъ (студентовъ) своимъ залежалымъ литературнымъ (на лекціяхъ-то?) товаромъ (!) профессора-либералы (?) не сытымъ окомъ взираютъ на Трубецкихъ (т. е. конечно, кн. С. Н. Трубецкого), Соловьевыхъ (т. е., конечно, Вл. С. Соловьева) и *Лебедевыхъ* (безъ сомнѣнія, подразумѣваюсь я, ибо на худшемъ счету никакого другого Лебедева не имѣется) *и особенно профессоровъ тюбингенцевъ, которые* (кто эти: которые? Лебедевы или тюбингенцы—понять очень трудно: авторъ всегда пишетъ раньше, чѣмъ сообразитъ, что онъ пишетъ) *приводятъ въ восторгъ молодую орду* (что это за *орда?* Студенты ли московскаго или тюбингенскаго университета—самъ околодочный не разберетъ и меньше всѣхъ самъ авторъ) *своими кощунственными выходками надъ святыми* (да развѣ протестанты признаютъ святыхъ?), *своимъ безшабашнымъ отрицаніемъ книгъ свящ. Писанія, таинствъ церкви.* (А что, вѣдь, пожалуй тутъ нашъ писатель говоритъ о Моск. университетѣ. Поймите-жъ его!), *Приснодѣвства Богоматери,*

вѣка, т. е. Болотова) краснымъ въ видѣ Несторія въ заголовкѣ“. Итакъ *не могъ* писать даже на безобидную тему о какомъ-то Несторіи (ученіе котораго, по секрету сказать, несомнѣнно живетъ въ нашей церкви)—кто же? Вѣроятно, *первый* профессоръ тѣхъ временъ. И такъ мы видимъ, что это былъ не уставъ, а какая-то пещь халдейская, „порядки же тогдашніе“ были нирваною для науки. (Изъ писемъ проф. Болотова. *Христ. Чт.*, 1907, т. I, стр. 383—5).

Божества Спасителя и пр. и пр. Сколько заманчиваго матеріала для плагіата—празднословитъ авторъ—для рукоплесканій, а взять его цѣликомъ и открыто *пока* не возможно" (Курсивы наши. Чит. „Отзывы архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ. Т. II, стр. 128. Спб. 1906). Бѣдные профессора академій! Сколько они должны переносить обидъ отъ ими же выбраннаго *почетнаго* (?) ихъ *члена?* Что касается меня, то непонятно, къ чему онъ въ чемъ-то противоправославномъ сталъ изобличать меня только теперь? Почему онъ не сдѣлалъ этого ранѣе, въ то время, когда я *подъ его начальствомъ* профессорствовалъ въ Моск. духовной академіи? Тогда я неопровержимо обличилъ бы, а въ настоящее время я долженъ лишь глотать эти безвредныя пилюли.

Но возвратимся къ прерванной нами рѣчи о наградахъ, которыя не уготовлялись для церковныхъ историковъ въ Николаевское и послѣдующее время, и о наказаніяхъ для нихъ же, на которыя не скупилась эта эпоха. По правдѣ сказать, шли въ гору тогда дѣятели по части исторической науки положимъ умные, но совершенно отсталые въ родѣ Н. И. Субботина, понимавшіе православіе въ духѣ „Пращицы", „Рожнеца духовнаго", „Камня вѣры", „Мечца духовнаго", Щита вѣры", и твореній: „объ игѣ неудобоносимомъ и объ игѣ благомъ"; при чемъ въ своемъ амплуа столповъ провославія подобныя лица служили тормазомъ духовнаго просвѣщенія и богословской науки, опираясь при этомъ на высшую духовную власть и оберъ-прокурорскій авторитетъ. Въ 1894 году оставилъ службу въ Моск. академіи Субботинъ съ аннинской звѣздой, тайнымъ (sic!) совѣтникомъ, а въ 1895 году проф. Голубинскій, бывшій немного моложе его по службѣ,—статскимъ совѣтникомъ и съ Владимиромъ въ петлицѣ (=экзекутору Московскаго университета, имѣющему тотъ же чинъ и украшенному орденомъ св. Равноапостольнаго Владимира 4-ой степени, человѣку съ такъ называемымъ домашнимъ образованіемъ) [1]). Но попробуйте сравнить сочиненія того и другого—Субботина и Голубинскаго—и тогда только поймете: кто дѣйствительный генералъ отъ науки и подлинная звѣзда ея?

Возможно, что на устахъ немалаго числа читателей наши

---

[1]) Справочная книга Московскаго учебнаго округа, стр. 44. М. 1902.

разсужденія о „наградахъ“ вызовутъ улыбку неодобренія, ибо нынѣ награды орденами и чинами потеряли всякій смыслъ. Но вѣдь, назадъ тому 10—20 лѣтъ было не такъ, а мы говоримъ о прошедшемъ во вкусѣ этого прошедшаго. Далѣе, указывая на тѣ награды, преимущественно за церковно-историческія сочиненія, которыя такъ щедро сыпались на архіепископа Меѳодія, на Иннокентія и Филарета, мы этимъ хотимъ засвидѣтельствовать о первоначальномъ очень сочувственномъ отношеніи не только высшаго духовнаго начальства, но и самой Верховной власти къ разработкѣ только-что нарождавшейся церковно-исторической науки: повидимому, раньше понимали ея значеніе лучше, чѣмъ какъ стало позднѣе.

Приложеніе: Б.

Мы наблюдаемъ очень любопытное явленіе. Въ началѣ XIX столѣтія цензура была очень снисходительна [1]). Мнѣнія Иннокентія, сейчасъ отмѣченныя, потомъ не имѣли правъ гражданства до 17 октября. Какъ сильно измѣнились времена, послѣ Иннокентія, и къ худшему, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Приведемъ лишь немногіе, притомъ касающіеся исключительно церковныхъ историковъ. Преслѣдованіе книги проф. Ф. Терновскаго: „Греческая церковь въ періодъ всел. соборовъ", начато духовной цензурою, которая, по наущенію грекофила Т. И. Филиппова, составила докладъ для синода, очень неблагопріятный для автора. А поводомъ ко вмѣшательству ея было то, что книга выпущена, обойдя духовную цензуру, съ разрѣшенія историко-филол. факультета кіевскаго университета. Другіе церковные историки выпускали въ свѣтъ свои сочиненія, болѣе или менѣе расходившіяся съ традиціонными взглядами, или пользуясь благопріятнымъ случаемъ или же пускаясь на хитрость. Я могъ напечатать свою диссертацію, потомъ причинившую мнѣ непріятности, лишь благодаря безконечному добродушію редактора одного дух. журнала и благодаря халатности цензора послѣдняго, цензора не заглядывавшаго въ цензируемый имъ журналъ. Второе же изданіе ея появилось въ свѣтъ, вслѣдствіе замѣчательной смѣлости петербургскаго цензора архим. Василія (Грекова) моего ученика, который, быть можетъ, на его счастіе черезъ

---

[1]) Кромѣ фактовъ, сейчасъ отмѣченныхъ и свидѣтельствующихъ объ этомъ, есть прямое свидѣтельство въ этомъ родѣ. Митр. Филаретъ говоритъ, что въ десятыхъ годахъ XIX вѣка цензура отличалась „меньшею взыскательностію за строгую точность". С. Смирнова. Исторія моск. академіи, 226.

мѣсяцъ послѣ этого событія скончался. Книгу: „духовенство древней церкви“ цензура, какъ я хорошо понималъ, не пропустила бы. Въ виду этого, я сдѣлалъ такъ. Печаталъ ее отрывками въ дух. журналахъ, при чемъ трудно было понять, къ чему все это сводится. А когда я такимъ способомъ напечаталъ почти всю книгу, я представилъ журнальные оттиски въ цензуру, а цензура, видя, что вся книга по частямъ уже была одобрена раньше къ печатанію, не имѣла нужды еще разъ пересматривать ее. И вотъ книга явилась въ свѣтъ. Проф. Е. Е. Голубинскій первый томъ своей исторіи напечаталъ, благодаря самоотверженности ректора академіи С. К. Смирнова, пропустившаго его въ качествѣ диссертаціи. Но съ печатаніемъ втораго тома той-же исторіи вышла многолѣтняя заминка, и если этотъ томъ напечатанъ, то это случилось при исключительныхъ обстоятельствахъ, повѣствовать о которыхъ еще рано.—Для спасенія диссертацій отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, приходилось поступаться даже научными открытіями. Такъ мнѣ самому пришлось собственно-ручно въ лучшемъ сочиненіи похерить наилучшія страницы, предъ его печатаніемъ. Проф. Спасскій въ своей диссертаціи разъяснилъ, что въ актахъ Ш. всел. собора въ качествѣ авторитетныхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ фигурировали отрывки изъ произведеній еретика Апполинарія. Страха ради іудейска, боясь за судьбу диссертанта, я зачеркнулъ эти превосходныя страницы. Въ этомъ случаѣ я долженъ былъ чувствовать тоже самое, что почувствовалъ бы вегетаріанецъ, еслибы его принудили собственно-ручно зарѣзать курицу. О себѣ самомъ прибавлю еще слѣдующее. Нѣкоторые ректора Моск. академіи оказывались не особенно благосклоны къ моимъ церковно-историческимъ работамъ. Такъ о. А. Х—ій, о. А. С—ій, при печатаніи моихъ статей въ академическомъ журналѣ преграждали доступъ сюда или страницамъ, или даже цѣлымъ главамъ изъ нихъ. Мотивы въ этомъ случаѣ были не одинаковы; первый руководился этическою или точнѣе сказать монашескою точкою зрѣнія; а послѣдній имѣлъ при этомъ обереганіе своей репутаціи въ глазахъ начальства отъ упрека въ небрежности при исполненіи своей цензорской обязанности. Впрочемъ жаловаться много на перваго пожалуй—грѣхъ, прямолинейнѣе

дѣйствовали остальные [1]). Но образъ дѣйствованія этихъ послѣднихъ для насъ совершенно непонятенъ. Не слыханное дѣло, чтобы ректоръ отвѣчалъ за подчиненное ему лицо профессорскаго званія. Напротивъ, мы знаемъ обратные случаи, когда корпорація профессоровъ дорого платилась за небрежность ректора. Разумѣемъ слѣдующій случай. Въ *Прыбавленіяхъ къ твор. св. отцевъ* печатались письма

---

[1]) Пользуюсь случаемъ разсказать одинъ курьезъ объ о. Н—вѣ. На его цензуру была отдана моя вступительная лекція, прочитанная въ университетѣ, при печатаніи ея въ Бог. Вѣстн. (1895 г., т. IV). Въ ней находились слова: „жизнь Іисуса Христа“. Мудрый цензоръ къ словамъ І. Хр. прибавилъ отъ себя еще два слова: „Господь нашъ“. Неужели о. Л. воображалъ, что это необходимо было сдѣлать? Такая поправка умѣстна развѣ въ сочиненіи ученика 4-го класса духовнаго училища? Да и какой смыслъ имѣетъ поправка? Выраженіе „Господь“ ниже по содержанію слова „Христосъ“, означающаго Мессію. Что же касается выраженія: Господь, то оно значитъ: господинъ и равно нѣмецкому: херръ, англійскому: лордъ и французскому: m-ieur. Господовъ, притомъ, много, а Мессія одинъ. Укажу ему на изреченіе: Кол. 4, 1: „господіе, правду и уравненіе рабомъ подавайте“. Я исполнилъ капризъ о. ректора, удержалъ его поправку въ статьѣ (стр. 295. Замѣчаніе это написано исключительно для о. Л) Кстати, я только на дняхъ узналъ отъ бывшаго въ то время редактора журнала, что сей ректоръ не приказалъ ему принимать отъ меня статей для журнала. Благодаря этому свѣдѣнію, объяснилось, почему редакторъ этотъ не просилъ моего участія въ журналѣ. Впрочемъ нужно признаться, что иногда и редакторы изъ числа профессоровъ по своему развитію стояли не выше о. Л, назначеннаго ректоромъ изъ воронежскихъ рядовыхъ священниковъ, по иниціативѣ митрополита Сергія, пожелавшаго такимъ назначеніемъ ректора смирить академію. Приведу примѣръ. Редакторъ *Б. В.*, проф. П. И. Г. разъ сдѣлалъ такую поправку въ моей статьѣ. Въ ней я говорилъ о крайностяхъ папскаго индекса и въ доказательство указывалъ на то, что въ него входили книги самого противоположнаго содержанія, наприм.· „требники и языческіе классики, книги о революціи и по Маріологіи“. Редакторъ повидимому нашелъ слово: *Маріологія* (означающее: *ученіе о Маріи*, т. е. Богородицѣ) не понятнымъ для своихъ читателей и замѣнилъ слова: „по Маріологіи“ другими: *объ отношеніяхъ супруговъ*. Очевидно, онъ по своему невѣжеству производилъ слово: Маріологія, отъ франц. marier обвѣнчивать и греческаго λόγος. Рукопись мою съ поправкою проф. Г. до сихъ поръ бережно храню и могу представить въ редакцію для обозрѣнія всѣхъ любопытствующихъ. И подобные эксперименты продѣлывались надъ ордин. профессоромъ, докторомъ богословія, болѣе 20-ти лѣтъ преподававшимъ науку въ высшей школѣ и не безъ извѣстнымъ въ литературѣ,—производились лицами, которыя были замѣчательны только тѣмъ, что значились въ спискахъ служилыхъ людей Россійской имперіи.

Иннокентія Камчатскаго, впослѣдствіи митрополита Московскаго, къ извѣстному А. Н. Муравьеву; обязанность цензировать документы, печатаемые въ журналѣ, по правилу принадлежала ректору. А между тѣмъ въ одномъ изъ напечатанныхъ писемъ оказалось порицаніе на Исидора митрополита петербургскаго, который тогда еще былъ живъ [1]). Моск. митрополитъ, Іоанникій, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, рѣшился стать на защиту Исидора и наказать журналъ, а черезъ него и всю профессорскую коллегію [2]). Онъ публично далъ нагоняй проф. П. И. Горскому, который хотя и состоялъ однимъ изъ соредакторовъ журнала, но никакого отношенія къ проступку журнала не имѣлъ. Дѣло происходило на обѣдѣ, данномъ преосв. Виссаріономъ въ Москвѣ по случаю посвященія его въ епископы и въ моемъ личномъ присутствіи. Сконфуженный Горскій могъ только молчать, тѣмъ болѣе, что Іоанникій не хотѣлъ слушать объясненій цензора. Но этого мало: митрополитъ навсегда лишилъ журналъ привычной для него субсидіи изъ такъ называемыхъ каѳедральныхъ суммъ, и очень значительной, ибо этимъ путемъ безусловно покрывались всѣ денежные недочеты по изданію журнала. Такъ повелось со временъ митрополита Макарія Булгакова. Ректоромъ въ это время, когда произошелъ разсказанный случай, былъ о. Х. С—въ; предпринималъ ли онъ какія либо мѣры ко вразумленію митрополита, разъяснялъ ли ему, что главнымъ виновникомъ инцидента былъ самъ онъ Х, неизвѣстно [3]). А корпорація

---

[1]) Оно заключалось въ словахъ: „на Исидора надежды мало“—и только! Припоминается подходящая поговорка: „отъ копѣечной свѣчи Москва сгорѣла“.

[2]) Митрополитъ Іоанникій Рудневъ, къ чести его нужно сказать, не чуждъ былъ драгоцѣнной черты—великодушія. (Онъ говаривалъ, какъ объ этомъ носились слухи, что „изъ-подъ его начальства никто не уходитъ съ волчьимъ паспортомъ“), а по нестяжательности былъ вторымъ Филаретомъ Московскимъ; за эти добродѣтели я преклоняюсь предъ его памятью.

[3]) Думаю, что онъ не позаботился объясниться съ митрополитомъ и принять всю отвѣтственность на себя, на себя, человѣка чуждаго академіи, пришельца со стороны, насъ не понимавшаго и къ намъ относившагося, какъ къ своимъ послушникамъ (профессора по четверти часа ждали въ передней, пока изволитъ выйти изъ своихъ внутреннихъ комнатъ ректоръ).

профессоровъ, по обычаю того времени, безмолвствовала и отвѣшивала поклоны. Для правильнаго пониманія всего дѣла, нужно сказать, что и изданіемъ писемъ Иннокентія завѣдывалъ не профессоръ. Послѣ этого академическій журналъ сѣлъ на мель и долженъ былъ измѣнить свой ученый характеръ, превратившись въ полупублицистическій, въ формѣ *Богослов. Вѣстника*. Но я еще не все сказалъ о себѣ. Мнѣ какъ-то особенно не счастливится, и это даже послѣ достопамятнаго 17 октября. Въ нѣкоемъ духовномъ журналѣ одну большую мою статью цензура совсѣмъ не пропустила, а двѣ другихъ разрѣшила напечатать чуть-ли не противъ своего желанія. Боюсь, что и сію минуту незримая для меня цензура немирнымъ окомъ смотритъ на эти мирныя мои строки. А почему такъ—неизвѣстно. „Книгъ св. Писанія, таинствъ церкви, приснодѣвства Богоматери, Божества Спасителя я не отрицаю, кощунственныхъ выходокъ надъ святыми“ не позволяю себѣ—въ чемъ, повидимому, подозрѣваетъ меня извѣстный сердцевѣдецъ а. А. (см. Приложеніе А). Похвалюсь даже, что въ 1905 г. я выпустилъ книгу, добровольно, а не изъ подъ палки, какъ бываетъ въ духовныхъ школахъ, въ защиту приснодѣвства Божіей Матери („Братья Господни“), но защищалъ оное не противъ тюбингенцевъ, которыхъ такъ боится о. А. и которые нисколько не интересуются этимъ вопросомъ, а противъ протестантскихъ ортодоксаловъ.

Многострадальная духовная Академія (названіе собирательное) пора тебѣ имѣть свою истинную исторію: послѣ 17 октября ты вольна это сдѣлать. Наше время демократическое, мужицкое. Такова должна быть и твоя исторія, т. е. должна быть написана такъ, какъ пишется мужицкая исторія, слезами и даже кровію. Она должна поставить своею задачею повѣствованіе объ атрофированныхъ мозгахъ и сожженныхъ, искалѣченныхъ совѣстяхъ [1]). Твоими историками не могутъ

[1]) Проф. Н. Н. Глубоковскій въ блестящемъ рефератѣ объ учебномъ комитетѣ, въ одномъ примѣчаніи, пишетъ: „одинъ профессоръ университета съ грустію (я лично при встрѣчѣ съ фактомъ, переданнымъ Н. Н. Г-скимъ, лишь порадовался бы) констатируетъ, что по его богословско-историческому предмету университетскіе студенты на экзаменѣ въ 1907 г. отвѣчали лучше, чѣмъ академическіе извѣстныхъ ему временъ. И это при телерешнихъ-то университетскихъ порядкахъ“. замѣчаетъ референтъ

быть ни Чистовичи (какая чиновничья фамилія!), ни С. Смирновы, ни Аскоченскіе, ни Макаріи Булгаковы—все это историки-чиновники, послушно исполняющіе всякія приказанія начальства и цензуры; не можетъ быть твоимъ историкомъ и проф. П. В. Знаменскій съ его художественными характеристиками: не по вкусу намъ теперь и такая исторія. Все это историки *старой* Россіи. Твоимъ незамѣнимымъ историкомъ могъ бы быть одинъ Ф. А. Терновскій, проф. Кіевской духовной академіи и университета св. Владиміра, *докторъ русской исторіи*, истый москвичъ, но лучшій москвичъ, онъ самъ былъ „искушаемъ“ и въ состояніи былъ бы „искушаемыхъ“ описать, а также воспроизвести эпопею подлинно „униженныхъ“ и подлинно „оскорбленныхъ“; но онъ убитъ. А праздное его мѣсто остается никѣмъ не замѣщеннымъ. С. М. Соловьевъ въ своихъ запискахъ напечатанныхъ въ *Вѣст. Евр.* называетъ нашего ректора А. В. Горскаго „муміею“, выставляя его жертвой прежняго академическаго режима. В. С. Соловьевъ подтверждаетъ этотъ отзывъ. Но знаменитый философъ ошибался, хотя и лучше своего отца зналъ Горскаго. Послѣдній былъ ученымъ либераломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и это скажутъ всѣ лица, близко знавшія покойнаго; но онъ держался пословицы: „ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами“ (это—черта характера, и какъ таковая не заслуживаетъ порицанія), но этого совершенно не вѣдалъ Вл. С. Соловьевъ. Но если эта характеристика не относилась къ Горскому, то подъ нее подходило великое множество „птенцовъ“ нашихъ академій. Главный ужасъ заключается въ томъ, что представители академической науки и не знали того, что они на самомъ дѣлѣ муміи (какъ во всякомъ разговорѣ исключаются присутствующіе, такъ въ моей статьѣ, потому же правилу, исключаются живые, нынѣ здравствующіе). Зрѣлище похожее на то, какъ если бы обитатели могилъ въ своихъ саванахъ вздумали танцовать вальсъ. Представители разсматриваемой науки не знали того, что они

и задаетъ себѣ вопросъ: „куда улетѣла или кѣмъ похищена слава духовно-академическаго студенчества“ (стр. 25)? Для насъ отвѣтъ на вопросъ представляется достаточно простымъ. Слава эта не „улетѣла“ и не „похищена“, а выклевана хищною птицею, именуемою Уставомъ дух. академій 1884 г., ибо эта птица только и дѣлала, что клевала мозги учащихся здѣсь.

были муміями, какъ не зналъ Мольеровскій крестьянинъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой. Да, исторія православной духовной академіи должна быть написана слезами и кровію. Въ ней жилось припѣваючи только такимъ лицамъ, которые безцеремонно разсуждали такъ: „въ нашей церкви хозяинъ Св. Синодъ, а если домохозяинъ прикажетъ, напр., окрасить свой заборъ полосами красными, синими, зелеными, желтыми, то мастеръ долженъ исполнить волю приказавшаго“. Эти слова, говорю откровенно, наводятъ на меня ужасъ; и мнѣ кажется, если бы, уважающій свое достоинство, человѣкъ послѣдовалъ бы имъ, то онъ могъ бы найти утѣшеніе себѣ лишь въ чашѣ зелена вина. Вѣдь, дѣло идетъ о наукѣ,—истинѣ, объ искаженіи образа Божія въ человѣкѣ. Но скажутъ: кому же принадлежатъ эти слова? Ни за что не угадаете! Это слова знаменитаго философа Московской Духовной Академіи Кудрявцева, слышанныя мною лично изъ его устъ (это изреченіе разъ я съ неодобреніемъ цитировалъ на одномъ духовно-академическомъ товарищескомъ обѣдѣ—и чуть не былъ забросанъ за это тарелкими: такъ мало у насъ понимаютъ ужасъ этихъ словъ!)—Подъ вліяніемъ въ высшей степени неблагопріятныхъ условій наша богословская наука совсѣмъ забыла, что для нея образцомъ долженъ быть одинъ Христосъ. Христосъ же наименовалъ себя „Истиною“ (Іоан. 14, 6) и разъяснилъ, что „истина“ раждаетъ „свободу“, (—8, 32) подъ которой онъ разумѣлъ отсутствіе всякаго нравственнаго гнета, стѣсненій и формализма (—4, 23; сл. 3, 8). Синедріонъ не хотѣлъ слушать Основателя христіанскаго богословія, и ничего хорошаго для синедріона отсюда не воспослѣдовало. Тоже будетъ и всегда.

